



# СМЕНА

3

1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



Алексей ФАТЬЯНОВ

## ЗДРАВСТВУЙ, РОДНАЯ ЗЕМЛЯ!

...И все, как было. Как тогда,  
 пять лет тому назад,—  
 навстречу мчатся поезда,  
 на стыках рельс гремят.

Знакомый промелькнул вокзал.  
 Но в тот далекий срок  
 в другую сторону бежал  
 за окнами лесок.

Пять лет назад у этих двух,  
 кто едут в край родной,  
 лишь пробивался светлый пух  
 над верхнею губой.

Окончик был десятый класс  
 с отличником тогда,  
 и путеводная зажглась  
 для них вдали звезда.

А над вечернею рекой  
 стеной стоял туман,  
 где под умелой рукой  
 волшебный пел баин.

Горел костер у той реки  
 и на ветру на гас.  
 Вчерашние ученики  
 прощались в первый раз...



«В небе зорька ранняя,  
 как костер пылающий.

Что же, до свиданья,  
 школьные товарищи.

К счастью, так уж водится,  
 нет пути окольного.  
 Пусть же будут помниться  
 нам ступеньки школьные.

Как мы пионерами  
 в школу шли тропинками.  
 Как читали первые  
 буквари с картинками.

К счастью, так уж водится,  
 нет пути окольного.  
 Пусть же будет помниться  
 век нам юность школьная...»

Друзья семнадцать звончик лет  
 в краю родном росли.  
 Все десять классов — шутка ль?  
 Нет! —  
 Плечом к плечу прошли.

Им завтра нужно в новый путь.  
 И нужно все успеть...  
 В такую ночь грешно уснуть,  
 не побродить, не спать...

Длинна ль перед разлукой  
 ночь?..

Лишь начало светать,  
 их соловьи из дальних роц  
 слетелись провозжать.

И вот они — к щеке щека  
 в вагоне у окна.  
 А за окошком — отчий край,  
 родная сторона.

Окончена школа, но книжки  
 друзья в чемоданы кладут.  
 Вчерашние едут мальчишки  
 экзамен держать в институт.

И самый почтеннейший житель  
 для школьников бывших —  
 гроза,  
 их старый и строгий учитель  
 платком утирает глаза.

— Смотрите, писать обещайте!  
 — Москве передайте привет!  
 — Прощайте, прощайте,  
 прощайте! —  
 Березы кивали им вслед.

Москва! Земли родной зоря,  
 Твой всюду виден свет.  
 Друзей здесь обрели друзья  
 на много, много лет.

И как же им не вспомнить тех,  
 кто годы рядом был!  
 Кто в тишину библиотек  
 на цыпочках входил.



Кто вал рублям последним счет,  
 но друга утосал.  
 Кто ласней, если сдал зачет,  
 покой других смущал.

Пять лет назад у этих двух,  
 что едут в край родной,  
 лишь пробивался светлый пух  
 над вернею губой.

Теперь, — взгляните-ка на них, —  
 мужички! И притом  
 в их чемоданчиках простых  
 у каждого — диплом.

Пять лет! Пять весен! Срок  
 большой  
 у каждого в судьбе.  
 Пять лет, пять весен край  
 родной  
 их ждал и звал к себе.

Их соловьиный ждал рассвет  
 и речка под горой,  
 седи, которых краше нет  
 весеннею порой.

Их ждали рощи и поля,  
 друзья, семья, дела.  
 Но пуще всех ждала земля,  
 как мать, она ждала.

Скорей же, поезд, мчись,  
 скорей!  
 Вдали зоря встает.

Так вот он, милый край полей,  
 здесь будто все поет:  
 «Вся в солнечном свете отчизна  
 твоя.

Так здравствуй же, здравствуй,  
 родная земля!  
 Навеки, с мальчишеских лет  
 полюбя,  
 мы, словно невесту, украсим  
 тебя.

Украсим цветеньем весенних  
 садов,  
 любовно покроем коврами  
 цветов.

И все, что ты хочешь  
 в счастливой судьбе,  
 от чистого сердца подарим  
 тебе.

Подарим за все твое к людям  
 добро  
 и золото хлеба и рек серебро.  
 Вся в солнце прекрасном  
 отчизна твоя.  
 Так здравствуй же,  
 здравствуй, родная земля!

«Дёма. Дёма. Дёма. Дёма», —  
 слышен стук колес.  
 Молодые агрономы  
 едут в свой колхоз.

Все здесь близко,  
 все знакомо,  
 дорого до слез.  
 «Дёма. Дёма. Дёма. Дёма», —  
 слышен стук колес.



Заполнены последние клетки таблицы розыгрыша первенства СССР по хоккею с шайбой. Споры бдительного зрителя: после советского перерыва чемпионами страны по хоккею с шайбой стали московские динамовцы.

Большого успеха динамовцы добились благодаря дружной, коллективной игре, чего не хватало хоккеистам ЦСКА, вышедшим на второе место. Особенно преуспевающим динамовцам было заметно в первом круге, когда армейцы потерпели два поражения и одну игру с трудом свелиничью, по сути дела, лишило их возможности бороться за первенство.

На третье место вышла московская команда «Зенит». Прошедшее первенство показало, что мастерство наших хоккеистов как в классе «А», так и в классе «Б» значительно выросло. Почти все встречи проходили в очень быстром темпе, на высоком техническом уровне.

В этом году в команды мастеров пришло много молодежи, способных спортсменов. Это динамовцы Анатолий Егоров, Александр Солдатенков, Виталий Костырев, армейцы Владимир Брунов, Геннадий Садренков, Александр Черепанов, зенитовцы Василий Анискин, Борис Седов, Юрий Масленников.

Особо хочется отметить команду Ленинградского дома офицеров, которая почти целиком состоит из молодежи. С хорошей стороны показали себя также и молодые хоккеисты чебоксинского «Авангарда».

В этом сезоне москвичи увидели несколько международных встреч. У нас побывали шведские спортсмены клуба АИК. Все три встречи выиграли советские хоккеисты с общим счетом 22:1.

Впереди еще много интересных соревнований. Разыгрывается кубок СССР по хоккею с шайбой. Не раз еще наши хоккеисты выступят и в международных встречах. Кто победит, покажет будущее.

**А. НОВОКРЕПЕНОВ**  
государственный тренер СССР  
по хоккею.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

# СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал  
Центрального Комитета ВЛКСМ. Февраль. № 3. 1954 год.

Год  
издания  
31-й



Рисунок А. Андреева.

Юрий ЯКОВЛЕВ

## ВЗВЕЙТЕСЬ КОСТРАМИ, СИНИЕ НОЧИ!

Летним вечером на берегу Клязьмы загорелись два костра. Один большой, другой поменьше. Два отогнанных калена загрохали на темной глади реки. Один доходил почти до середины потока, другой держался поближе к берегу.

Мне хорошо было видно ребят, окружающих костры. Ветер доносил обрывки слов, звуки песен. Взгляд мой почему-то все дальше и дальше задерживался на маленьком костре. Что-то громкое, веселое, задорное происходило возле него. И каждый раз, когда начинали звучать новые раскаты ребячьего смеха, казалось, что костер вспыхивал ярче. При свете горящего хвороста я стал замечать, как фигурки ребят от большого костра все чаще и чаще перебегали к маленькому. Огненный гудящий столб большого костра потеченно становился ниже, как будто каждый убегавший к другому костру захватывал с собой частицу гудящего смоляного жара.

«Что же там такое происходит?» — заинтересовался я. У бывшего большого костра я встретила вожатую, окруженную стайкой пионеров.

На лице у этой высокой, коротко остриженной девушки было смущение.

— Мы проводили тематический костер, — начала объяснять она, — а пионеры почему-то потянуло к тому костру. Его устроили местные деревенские ребята.

И вдруг в глазах вожатой сверкнула решимость, она, словно спохватившись, издала себе в руки и внятно крикнула:

— Сейчас же вернитесь!

Но голос ее безответно прозвучал над вечерней рекой.

А от маленького, уже успешного разрастись костра долетали смех и песни. Слышался бойкий голосок:

— Кто хочет печеной картошечки!

Помнится, я долго стоял рядом с растерянной вожатой и испытывал острое чувство обиды за то, что костер, горевший рядом со мной, носил скучное название «тематический» и что не было в нем той души, того негасимого пионерского огонька, который на всю жизнь остается в сердце советского человека.

\*\*\*

Прошлым летом я совершила большую поездку по пионерским лагерям Ульяновской, Куйбышевской, Пензенской областей.

Дорога от лагеря к лагерю шла по живописным взгорьям и пахучим сосновым лесам, она пересекла извилистые реки и плавно огибала озера. Лагери были окружены поистине сказочными местами! Пещера Степана Разина, о которой в народе рассказывают легенды... Парк помещика Полизанова, где безмянные крепостные садоводы когда-то посадили свыше ста пород разных деревьев... Белое озеро — современник ледникового периода...

Но не этот мир, зовущий в далекие походы, будящий воображение, рождающий в сердцах мечты, паря в пионерских лагерьх: полнонастным хозяином там являлся «план».

Я была во многих лагерях, читала десятки планов проведения всевозможных лагерных мероприятий. И все они, как родные братья, оказывались похожими друг на друга, написаны были одним языком, словно их составляла одна рука.

Обычно разукрашенный, как праздничный пионер, план занимает большой лист бумаги. На этой площадке хватает места для многих мероприятий, но то, к чему рвется горячее ребячье сердце, то, что может захватить пытаящую детскую натуру, останется

где-то за рамками плана. Такой план ограничивает смежные порывы, держит за руку пионерскую инициативу (план неслышно нарушать), своей деспотической волей нависает над всей лагерной жизнью.

План — это не только кусок витamina с нанесенным на него распорядком проведения мероприятий. За скучным планом зачастую стоят скучные, равнодушные люди, которые без любви, без выдумки занимаются пионерской работой.

Наиболее живые, смежные ребята неизбежно вступают в конфликт с таким планом.

...

Если бы кто-нибудь сказал, что в нашей стране не поощряется смелость, вы бы с усмешкой пожалали плечами. Если бы вам сказали, что за сместью строго высказывают, у вас невольно вырвался бы протест. И, тем не менее, я бы очевидцем такого случая.

Лагерь кубийшевских железнодоржников расположен на берегу Белого озера. Расстояние от берега до берега — слыше километра. Вряд ли в лагере найдется мальчишка, который бы не переплыл через это озеро. Но одно дело — мечтать, а другое — осуществить эту смелую мечту. Для этого мало быть хорошим, безостановочным спортсменом, для этого нужно нарушить строгий запрет, нарушить дисциплину, пойти на сделку со своей пионерской совестью.

Сказано это и груду. Но вот находится невысокий крепкий паренек Толя Петев, который однажды бросился в воду и поплавал. В лагере началась паника. Вдруг смелый-нахальный Толя была послана лодка. На восьмистом метре плавец был взят на борт и доставлен на берег. Совет лагеря на своем экстренном заседании искалачил Толю Петева из лагеря. Смелость мальчишка не явилась следствием обстоятельств. «Совершила подвиг, а тебя искалачили!» Как же маленькому человеку разобраться в этом противоречии?

И беседовал с начальником лагеря Львом Абрамовичем Ливничем.

— Жалко было искалачить, — признался он, — хороший парнишка. Но нужно было это сделать, а то другие начнут подражать.

Ливнич — сам один из первых пионеров. С каким увлечением рассказывал он о своем пионерском детстве! Тогда через Волгу плавали...

Почему же этот человек, пропавший через всю жизнь пионерский задор, становится рабом плана? Почему не взял он в руку красный карандаш, не вычеркнул из плана ряд «скучных» мероприятий и не виснул: «Запыль через озеро»? Ведь тогда бы Толя смело нарушил дисциплину! Конечно, не каждый может участвовать в таком задвине. Это под силу наиболее подготовленным, физически крепким ребятам. Но это не значит, что подобные задвине вообще нельзя проводить.

...

Плохо, когда пионеры нарушают план. Это они нарушают пионерскую дисциплину. Но еще хуже, когда они смиряются с планом, удовлетворяются им, подстраивают свою детскую кипучую натуру под готовые нормы, под схему.

Одного из таких мальчишек я повстречал на пионерском слете.

Еще за стеной я услышала голос, который заставил меня напрячься. Для взрослого он был самым тонким, но сухим, равнодушная уверенность, которая слышалась в нем, заставляла усомниться, что его обладает — школьный пионер.



Это был председатель — паренек среднего роста с желтоватым лицом. Он стоял у большого стола, за которым располагались члены президиума — взрослые. Среди них сидело несколько человек с золотыми звездочками Героев. Десятки ребячьих глаз с жадностью смотрели из зала на этих прославленных людей. Ребята завидовали строгому председателю. Но «счастливец» оставался равнодушным: его это не интересовало. Он вел собрание.

— Поступило предложение... Я полагаю, что следует проголосовать... Переходим к следующему вопросу, — сказал председатель. — Прерываю делить не будем!

Потом на сцену вышел очередной оратор, с красным пионерским галстуком на груди. Он говорил сбивчиво, но с запалом. И вдруг на самом интересном месте прозвучал голос председателя:

— Прошу соблюдать регламент, товарищ! «Товарищ» быстро оглянулся, сбился и, покраснев, сошел в зал.

Рядом с председателем сидели взрослые люди и с покровительственной улыбкой смотрели на этого маленького, но уже профессионального заискивателя президиума, и, наверное, думали, как хорошо у него все получается.

«Так ведь это маленький бюрократ!» — невольно промелькнуло у меня в голове. — Наверное, общественник, наверное, отличник. За таких обычно бывают спокойные и педагогические пионерские руководители. Этот не сорвет урок и не подерется. Но подумал ли кто о том, что он вырастет матерым бюрократом, мешающим движению вперед, вырастет человеком с каменной душой?»

Встречи с такими «плохожителями» мальчишками и девочками вызывают тревогу.

Бедой нашей пионерской организации является то, что на ее плодородную почву попали сорняки казенщины и сухости, которые к сожалению, даки всходы. И одним из выразителей этого является стандартный план, состоящий не из живых дел, а из «мероприятий», не привлекающих ребят к пионерской организации.

...

Двое парнишек с сосредоточенными лицами стоят на повороте у трамвайных путей.

«Что, боишься?» — «Нет, не боюсь!» — «Прыгни!» — «Ну и прыгни!»

Это отрывистый диалог нарушается трамвайным звоном.

Один мальчик делает шаг назад, другой — тот, которому предстоит постоять за свое место, — шаг вперед. Шеки его пылают. «Смогу или струю?» Если я смеюсь, — надо прыгнуть! Трамвай уже рядом. Сердце громко колотится под тужуркой. Вперед!

Маленькие руки цепко ухватываются за поручни. Нога на подножке. Он победа. Он аккует. Но ликование его прерывается криком кондуктора:

Хулиган!

Если бы мальчик смог в эту минуту спокойно изложить все, что происходит у него внутри, то, наверное, произошёл бы следующий разговор.

— Я не хулиган, — сказал бы мальчик. — Я ничего плохого не сделал. Просто доказал Вовке, что у меня есть сила воли, что я не трус.

— Но для того, чтобы доказать, что ты герой, обязательно ли нужно на подножку прыгать?

— Ну, а как же еще? Летом я по краю крыши ходил, а теперь сколько.

Да, — задумался бы кондуктор. — А разве у вас, пионеров, не могут придумать другой способ испытания смелости?

— Нет, не могут. В плане нет такого мероприятия.

— А какие же у вас мероприятия есть?



(поиск)  
определит

Продолжая эту несколько вымышленную форму выяснения отношений, можно было бы привести кондуктора и на весьма не вымышленный сбор, который и является, собственно, одним из мероприятий. Прежде всего кондуктор была бы крайне удивлена (ведь она в свое время тоже была пионеркой). Ее удивление началось бы с той минуты, как была объявлена тема сбора: «Давно и умноженно дробей».

Ребята сидят в классе за партами. У доски стоит учительница и объясняет... обычный урок арифметики. Только рядом с ней, словно комиссар при команде, находится председатель совета отряда. Скрипит мелок, на пол оседает меловая пудра.

— Так это же не сбор, а урок! — восклицает она бы кондуктор.

И трудно было бы ей возразить. И последнее время в пионерских дружинах получаем распространение так называемые предметные сборы. Вначале эти сборы как-то расширяли представления ребят о предмете. Но постепенно они превратились в дополнительные уроки по тому или иному предмету. Такие сборы, конечно, никогда не привлекают внимания ребят. Они проходят сухо. Их проводят и люди, которые не понимают основных задач детской коммунистической организации и хотят превратить ее в придаток учебного процесса.

Все реже и реже слышится на сборе смех, все реже звучит песня. Все реже и реже ребята возвращаются со сборов с чувством удовлетворения.

Иногда попадаешь на такой сбор и думаешь о том, как похож он на костер, где вместо жарких языков пламени колыхаются асфальт тонкой бумаги, а вместо сильного степного ветра гудит вентилятор.

\*\*\*

А разве нельзя зачехлить зимой настоящий, живой, пахнущий дымом и смолой костер! Зачехлить его вдалеке от теплого школьного зала, на снегу, на опушке леса. Чтоб над головой трепетали валившие огоньки морозных зимних звезд, а вокруг раставались белые поля. Лужи востынуты и снег. Снежинки тает в каузах дыма... Это привал смелых путешественников, бесстрашных изыскателей. Это лагерь отважных защитников Родины, выполняющих боевое задание. Это... Да мало ли какую ситуацию может создать живая фантазия ребят! Мало ли как может она истомлять эту вечернюю костер! Такой костер придется пионерам по душе, такого костра и берет начало романтика пионерского движения.

Но романтика — понятие широкое, и не всегда она возникает под колыханье ледяным ветром, при свете кострового пламени. Романтику можно сравнить разве с редким красивым цветком, который умные и мудрые руки садовника могут вырастить и засыпать заветами на любой почве.

Класс... Простой класс с доской, на которой еще свежи следы последнего урока, с холодным комочком мела, отхлынувшим до завтрашнего дня. Но ребята, притихшие за партами, не видят ни доски, ни мела. Стены класса раздвинулись. Пол превратился в палубу китобойного судна. И вокруг — безбрежный простор океана.

Это чудесное преобразование сделана не маг и волшебник, а отец одного из членов пионерского отряда, гагаринец китобойной флотилии «Славя».

И не такой уж он искусный рассказчик. Говорит просто, спокойно. Но его слова возлужат репутацию своей правдой, своей близостью к большой жизни, полной героической романтики. А ведь для бывалого моряка все это будни, трудовые будни.

И, разговариваясь, вспомнит моряк о своих пионерских годах и, может, набравшись смелости, сплет сегодняшним пионерам любимые песни пионеров минувших лет.

Удуй ребята с такого сбора очарованием, унес с собой образ человека, который был, как и они, пионером, а вот стал отважным моряком.

Как легко и просто организовать такой сбор! Ведь многие из родителей пионеров — бывалые, немало повидавшие на своем веку люди. Разве нельзя пригласить их на сбор, заменить скучные беседы простым рассказом очевидца! Можно. Но для этого пионерские руководители должны понять, что бывалые люди — самый богатый источник пионерской романтики.

\*\*\*

Возвращаясь к разговору о двух кострах — о большом, пионерском, и о маленьком, «нетематическом», запрос разложено местными ребятами на берегу Каяльми, хочется подчеркнуть еще один существенный недостаток в пионерской работе.

Пионерские организаторы не умеют поддерживать инициативу детей, направлять ребячью энергию на интересные, полезные дела. Подменяют ее своими установками, страшно боятся отступить от известных форм и от того прославленного стандартного плана, который зачастую превращается в тормоз, мешающий развитию самодельности. Порой смелое проявление инициативы ребят объясняется нарушением пионерской дисциплины.

Если бы пионерские руководители посерьезнее задумывались над природой проступков, если бы они не только выискивали за эти проступки, но находили бы им доброй внутренней оправдание, то куда лучше удавалось бы сплачивать и воспитывать пионерский коллектив.

Больше смелости и выдумки! Больше опоры на пионерскую самодельность!

...Тихое июльское утро широко распростерло свои голубые крылья. Еще крепко спит саловная дружина лагеря. Еще красный вымпел опущен к подножью мачты.

В этот миг у входа в пионерский лагерь показались, трое ребят. Несмотря на ранний час, все они были одеты в полную пионерскую форму, на них были рубашки, белые галстуки. Один из ребят держал в руках какой-то сверток, другой — горы. Третий, видимо, командир этой зачисленной группы, внимательно осматривался вокруг, прислушиваясь к утренним звукам. Наконец он сказал:

— Давай!

Луч сверкнул в серебрином областе поднятого горня. Горнист вдохнул, и легкая тишина ослепила, трюмная, ледяная, разлетавшимися во все стороны звуками: та-та-ра-та, та-ра! И вдруг, как сонное царство, освобожденное от цар смелым визгом, лагерь проснулся, ожив, пришел в движение. Захлопали края палаток, ребята высыпали на лужайку.

Тогда командир сделал мальчику со сверток знак: «Действуйте!»

Тот только и ждал этого сигнала. Подбежал к ближайшей палатке, он передал сверток какому-то парнишке с двумя алмазными нашивками на рукаве:

— Прини эстафету. Завтра ночью передашь в соседний лагерь. Ясно? Только нечашьству ни слова!

— Будет сделано, — ответил паренек, еще толком не понимая, в чем дело.

В это время появилась старшая вожатая:

— Кто горниш? Что случилось?

Но три пионера, принесшие эстафету, как сквозоз задание провалились. Выполнив задание, они возвращались в свой лагерь.

Москва окружена большим кольцом пионерских лагерей. Нынешним летом по этому лагерному кольцу кто-то из ребят пустил эстафету. Родившаяся детским воображением и жадной интересной дель, эстафета шла от лагеря к лагерю до тех пор, пока этим «внеплановым мероприятием» не заинтересовались взрослые. Они отбрали у ребят эстафету. Оказалось, что в эстафету было вложено записка с адресом:

«Секретарь Московского комитета ВАКСМ от всех пионерских лагерей Подмосковья».

Огромные запасы смелых замыслов, благородных чувств, нестремленных сил таит в себе наша боевая пионерия. Дая только всему этому выход, и какой интересной и свежей станет жизнь пионерских коллективов! Но для этого нужны вдохновенные, любящие свое дело старшие товарищи, нужно умелое и правильное руководство со стороны комсомольцев.



## У САМОГО БЕЛОГО МОРЯ

До самого Архангельска справа и слева от дороги таят запорошенные снегом леса. Оспаленные иномем, дремлют раскисшие ели, нехотя пропуская наверх лучи сурового северного солнца, в морозной дымке прачутся сосны. И всюду, куда ни помотришь, лес и лес.

Вокруг города разбросаны десятки заводов, обрабатывающих древесину. На берегу Северной Двины, неподалеку от пригородного поселка Уйма виднеются цехи лесозавода № 2 «Красный Октябрь».

Слева высится выложенное из красного кирпича здание лесопильного цеха. Чуть дальше парят на морозе только что вышедшие из сушилки штабеля досок, вроматко пахнущие смолой. Рядом, до самой Северной Двины, тянется большой, с огромными окнами домостроительный цех. Это главный цех завода, ибо сборные дома — основная продукция предприятия. Здесь, в этом цехе, рождаются стандартные домики «ШД 51-4». Они укрывают в ненастье лесорубов, в них отдыхают после трудового дня трактористы МТС.

В цехе новейшее оборудование. Он просторен и светел, здесь много воздуха. Кажется, плохо работать в нем просто невозможно. Но было время, когда здесь работы очень плохо. Завод стал выполнять план только после того, как комсомольская организация перестроила свою работу.

Об этом нам рассказал секретарь комитета комсомола Алексей Орехов — небольшого роста, подтянутый паренек

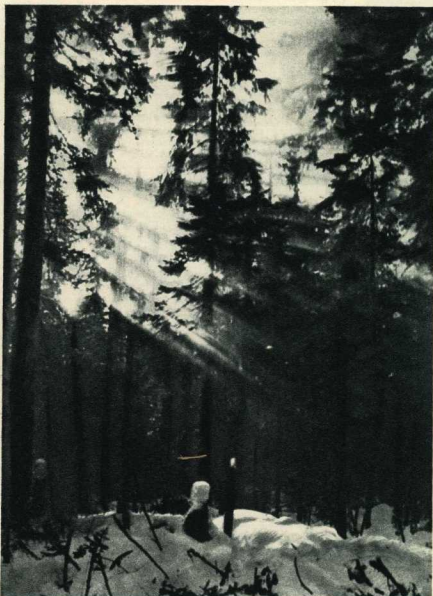


Фото К. Корибичина.

в гимнастерке, на которой еще не успели выгореть следы погон.

### В ЧЕМ ОШИБКА!

Шел второй час ночи, но Алексею Орехову не спалось. Он лежал с открытыми глазами и думал о том, что произошло сегодня, этим майским теплым вечером. Ему вспомнилось бледное лицо, растерянный взгляд секретаря комсомольской организации Николая Щипакова и суровые слова решения комсомольского собрания: «Признать работу неудовлетворительной».

А потом, после голосования, секретарь райкома комсомола Елена Толпокоина говорила: «Организация ваша одна из худших. Но я уверена, что работу можно поднять, нужно только разбудить, зажечь людей. Ты, Орехов, должен это сделать».

На улице сонно загорланил петух. Алексей все не спал. Ему хотелось прямо сейчас, не откладывая, еще раз разобраться, почему так жестоко «прокатили» Щипакова: ведь он что-то делал.

Кто-то на собрании сказал: «Щипаков людям не доверяет, все сам хочет сделать». И действительно, секретарь сначала пытался сделать все сам, не опираясь на актив. А когда увидел, что у него ничего не получается, он пал духом и совсем забросил работу. И вот результат: получил строгое замечание, развалил работу комсомольской организации, а это сказалося на производстве...



В домостроительном цехе на конвейере собираются щиты стены будущего дома.



Валентин Удалцов помогает Борису Рыбову освоить шпинорезный станок. Фото В. Тюжколя.



В заводском поселке выросла новая улица из домов, построенных санями рабочими.

Алексей исполнил всеаого, напористо Валентина Удальцова, Бойну, остроу на язык Тамару Пьянкову, степного Ивана Часова, потом Нину Петрову, Ольгу Кондакову, Валентину Бусыгину... Люди есть, нужно только заинтересовать их, работать с ними вместе, рука об руку.

Утром, когда Алексей подошел к двухэтажному зданию заводоуправления, его встретил Борис Мухачев. Улыбаясь, он сказал:

— Поздравляю с избранием. Критиковать ты умел, посмотрим, как работать будешь.

— Смотреть тебя, Боря, не придется. На работу будет. Ты ведь группур в домостроительном цехе. И вот тебе первое поручение...

Так начал работать новый секретарь комитета комсомола.

Потануешь дни за днями. Алексей ходил по цехам, стараясь ближе узнать комсомольцев. Когда он разискал нескольких комсомольцев, не вставших на учет, те сказали:

— Да мы к Шипакову несколько раз обращались. Приходите, говорит, завтра. Придешь, а он где-то бегает, все ему времени не хватало. Так вот и танял, а потом и мы мехнули рукой.

«Ручку мехнули» не только эти комсомольцы. Трупор Борис Мухачев ничего не делал и оправдывался очень просто:

— С меня не спрашивали, ну я и запустил работу.

Первые собрания, проведенные в цехах, оставили у Алексея неприятное впечатление: комсомольцы молчали. Выступали один и тот же люд. Из протокола в протокол мелькали фамилии Пьянковой, Удальцова и других чиститных ораторов. Алексей записал на себя: «Знать, не сумел я заинтересовать комсомольцев». Так прошло одно, другое, третье собрание. Как-то Ольга Кондакова сказала:

— Надо попокорней выступать. Есть недостатки — вытаскивать виновников, задеть их за живое.

На следующем собрании стоял вопрос о соревнованиях. Дела на заводе обстояли неважно, и нужно было провести собрание так, чтобы оно послужило толчком к улучшению работы.

Алексей вспоминал: как-то за обедом комсомолец Геннадий Паршев говорил о том, что на сборку нередко подают с других участков недоброкачественные детали. Он пошел в цех домостроения и разискал Паршева.

— Ты, Гена, как-то говорил о браке. Я хочу, чтобы об этом ты сказал громко на собрании и назвал виновников.

— Кто? Я? — Юноша отрицательно покачал головой. — Я не умею выступать... А вообще о браке знают все. Чего говорить-то!

Алексей начал убеждать его, что выступить все-таки нужно.

— Ладно, я выступлю, только не знаю, как лучше сказать.

Алексей помог составить тезисы выступления и с удовлетворением отметил, что Геннадий сам внес несколько предложений.

Того, что произошло на собрании, Алексей никак не ожидал. Паршев начал выступление, смущаясь, поглядывая на бумажку. Но когда дошел до фактов, речь стала свободнее, глаза загорелись, и оратор забыл про бумажку. Он

говорил о недостатках, о большом браке в работе. Например, в домостроительном цехе бригады Валентина Удальцова и Валерия Иевлева задолжали заводу около 500 дверей и оконных рам. А цех домостроения — главный на заводе. Плохо работает цех — плохо работает весь завод.

Геннадий упрекнул и контролеров ОТК, которые пропуская на сборку заводской брак. Вот, например, Нина Часова...

Сразу же потребовала слова редку выступавшая Нина Часова. Говорила она горячо и долго. Станочник-фрезеровщик Михаил Рыков сидел в последних рядах, лениво слушая и доходя до конца собрания. Но, когда Часова сказала о том, что больше всех бракованных филенок у Михаила Рыкова, озарился на трибуну сам. И оказалось, что он хорошо знает работу всего цеха, знает, какие есть недостатки, и даже может подсказать, как их устранить. Упрекнул электриков, и тут уже не выдержал Анатолий Мигунов...

### КОМСОМОЛЦЫ НАХОДЯТ ВЫХОД

— Понимаешь, ребята у меня молодые, опыта у них мало. Вот Геня Бутырева, например, ФЗО окончил. Да и других возьми — Алеша Борисов, Боря Рябов, собственно говоря, только начинают работать. Трудно! — жаловался бригадир домостроительного цеха Валентин Удальцов.

Алексей Орехов покачал головой.

— Дело не только в этом. Организация работы тоже играет большую роль. Я сам на склопоте работал. Надо подумать, как правильно расставить людей.

На один день они провали в цехе и наконец увидели то, что искали. В бригаде Удальцова работали 17 человек: 4 станочника заготовляли детали филенок и рамных переплетов, остальные собирали рамы и двери. Каждый собрал оконную раму или дверь от начала до конца. И на это уходило несколько дней. Без окон и дверей щиты — будущие стены сборных домиков — не могли сдаваться на конвейер — на окончательную сборку. Дома не могли комплектоваться полностью, и все больше и больше рос долг завода перед колхозниками и лесорубами.

Встретив Орехова, стolar Александр Красавин хмуро сказал:

— Вчера двачета с конвейера на бригады Сатинной прибегали нас стыдить.

— Это полено, — отшутился тот.

Еще раз проследив процесс сборки рам и дверей, комсомольцы задумались. А что если сделать так, чтобы каждый стolar-борщик выполнял одну операцию, как, скажем, это делается на конвейере? Можно ведь работать поточным методом.

Вопросы эти разрешили главный инженер и начальник домостроительного цеха комсомолец Василий Богданов. Оказалось, можно. Сделали новые расчеты, разработали технологично. Бригада Удальцова перешла на поточный метод работы.

Первый же день показал, насколько эффективен новый метод. Если раньше за смену успевали сделать 30—35 дверей, то теперь нормировочно записал в графу бригады 68. И кроме того бригады уменьшилась на 6 человек. А главное, повысилось качество: контроль друг за другом скамвался.

### В ДОМОСТРОИТЕЛЬНОМ ЦЕХЕ

День ото дня поднимался утраченный было авторитет комсомольской организации. Жизнь молодежи стала интересней. И все чаще у входа стали появляться объявления о вечерах, прогулках, экскурсиях.

Однажды к Алексею Орехову подошел Николай Легких — молодой парень из мастеровских домостроительного цеха.

— Я хочу в комсомол, можно?

Алексей прочитал заявление, посмотрел на взволнованное лицо юноши и улыбнулся. Ему понравилось, что Николай написал: «Я еще лучше буду работать и учиться. Время показало, что Николай Легких твердо держит свое слово: он отлично работает и учится в 7-м классе вечерней школы.

В комсомол приходили все новые и новые люди, и вскоре в шести цехах появились свои комсомольские организации. В сушильном цехе секретарем выбрали Лиду Белозерову, в строительном — Ано Федяину, в домостроительном доверили руководить организацией Тая Овчинниковой — нормировщице цеха, очень спокойной, серьезной девушке.

Тая звязал за дело так, что от нее не стало покая лодырям и прогульщикам. Стоило кому-нибудь допустить брак, как его фамилия появлялась в колонке или в газете «Молодежная», которая недавно стала выходить на заводе. Это испытали на себе Михаил Рыков, Борис Пономарев, Иван Стасевич. Теперь в цехе почти не бывает случаев брака. А когда осмеля наградили грамотой обкома комсомола члена редколлегия Геннадия Паршева, то его самого, который когда-то боялся выступить на собрании, в партоке завода сказали: — Комсомольцы — молодцы. Не дают житья бракоделам!

Контролер ОТК Нина Часова сейчас спойдет за качество продукции. Каждый месяц уходит с завода домини, изготовленные сверх плана. Комсомольцы знают, что ивановские колхозники, строители Кубышевской ГЭС, лесорубы Мурманской и Ленинградской областей не будут вспоминать их недобрым словом. Больших успехов достигли комсомольцы!



\* На заседании комитета Лия Костромитина обиделась на Тая Овчинникову...



бригады Таныя Сатиной и Валентина Удальцова кручены передоходящие выделы домостроительного цеха.

## В НОГУ С ЖИЗНЬЮ

В один из сентябрьских дней после смены первым прибежал в комитет со свежей газетой в руке Иван Кочанов.

— Читали постановление о сельском хозяйстве? Мы ведь тоже можем много сделать, у нас есть подшефный колхоз имени XVIII партсъезда.

Через несколько минут сюда пришли еще двое комсомольцев, потом вошла целая группа молодежи. Через полчаса комитет не являлся всех. Один читал газету, другие что-то объясняли друг другу, а Юрий Тырлов, ранее живший в деревне, рассказывал про свой колхоз.

К Алексею подошли член комитета комсомола Евдокия Непогодяев и смелый мастер домостроительного цеха Ольга Кондакова. — Собрание нужно провести, смотри, народ сам этого хочет.

Люди все подошли, и собрание организовалось само собой. Здесь были почти все комсомольцы, за исключением тех, кто отсутствовал на смену.

Обсуждался один вопрос: как комсомольская организация поможет колхозу? Секретарь партбюро завода Александр Григорьевич Валкин сделал сообщение о Пленуме ЦК КПСС, потом стали выступать комсомольцы.

Первой дала слово секретарию комсомольской организации водного цеха Лие Костромиткиной.

Паршва обижено сказала:

— Я первый просил слово, а дали ей.

— Многие из нас раньше жили и работали в колхозах, — говорила Лие Костромиткина. — И хотя мы сейчас работаем на заводе, помочь колхозу мы всегда сможем.

Паршва говорил, как всегда, горячо: — За наши дела не станет! А дирекция должна подумать, как помочь колхозу лесом и другими материалами. Да сам наш труд — это уже помощь колхозам! Я предлагаю взять такое обязательство: выполнять дневные задания на восемь часов на 170 процентов и обработать каждому комсомольцу по семь трудовых в колхозе.

Решили вывезти на поля колхоза до 300 тонн удобрений, изготовить 100 парниковых рам, отремонтировать теплицы и скотные дворы, направить в школу механизацию сельского хозяйства шесть комсомольцев.

Сейчас в подшефном колхозе имени XVIII партсъезда стоят 4 новеньких сборных дома, сделанные на заводе, сажные доски видны на отремонтированных скотных дворах, теплицах. Это потрудились шесты — заводские плотники комсомольцы Иван Кочанов и Сергей Яковлев, которые провели в колхозе целую зиму.

Когда секретарь обкома вручал им грамоты обкома комсомола, они общались не один раз побывать в колхозе.

А Юрий Тырлов и Павел Сабинин и еще восемь комсомольцев сейчас живут на удаленном участке МТС и колхозов, куда они первыми вызвались поехать.

На заводе уже лежит больше ста парниковых рам, изготовленных членами бригад Валентина Удальцова и Валерия Ивлева. И каждый выходной день несколько заводских машин увозят молодежь к их подшефным деревням.

А как жарко спорят комсомольцы завода, чей член вывозит в колхоз в следующий раз Лие Костромиткина даже обиделась на Тасю Овчинникову, когда той удалось убедить комитет послать в колхоз комсомольцев ее цеха.

\*\*\*

Так родился дружный коллектив.

Всего несколько месяцев назад эта организация была накануне развала, считалась одной из самых плохих. Теперь она выросла почти вдвое, жизнь ее стала интересной и содержательной.

И все это сделали те же самые люди, но только разбуженные талантливым вожаком Алексеем Ореховым. Они увидели огромный смысл своего труда, увидели новые горизонты всей нашей жизни.

г. Архангельск

Рисунки Н. Шеберстова.



Р. РОЗОВА

# КОНЬКИ

Рассказ

Павка Лосев был своего рода знаменитостью в ремесленном уездике. Не потому, что лучше всех чертил или выигрывал первые места на спортивных состязаниях. Воспе нет! Просто он был меньше всех ростом. И его называли в уезднике не Павел и даже не Павка, а просто Винтик.

Это было очень обидно. И никто не знал, сколько несправедливостей доставала Павке его небольшой рост.

Когда два года тому назад Лосев появился в группе, мастер Ян Мартынович внимательно посмотрел на него поверх очков и развел руками.

Потом мастер подвел Павку к сасерриным тискам, и всем стало ясно, что работать за ними Павка не сможет, если даже простоят все шесть часов на пыльниках. Очевидно, он выглядела очень смелым рядом с огромным верстаком, потому что все рассмеялись. Не смеялись только мастер и Павка.

— Ну, ты, брат, не огорчайся, все уладим, — сказал Ян Мартынович и похлопал по плечу готового раскладываться Павку.

На следующий день возле павкиных тисков появился лист из досок. Павка е стал внимательно посмотреть на это сооружение, но промолчал. Впрочем, стоять на помосте было неудобно. Бергасв пришлось вровень с руками, и Павка мог легко работать.

На первом занятии, когда мастер раскрасовал о том, как правильно держать инструмент, Павка покая не давая мось,

что все люди как люди, а он один должен стоять на помосте. Неужели и на завод с этими досками идти придется?

Еще дожидаясь перемены, Павка поделился с мастером своими опасениями.

— Не беда, — успокоил его Ян Мартынович, — у нас ты в рост пойдешь. ...Жизнь не баювала Павку Лосева. Отец как ушел в партизаны, так и вернулся. А мать гитаровцы растеряли у Павки на глазах. Может быть, мальчик и перестал расти с того дня? Так и запомнилась ему мать: в разорванном на груди синем в крапинку платье, с высоко поднятой головой.

После смерти матери Павка остался, как говорят, старшим в доме. Хотя дома-то и не было. Фашисты его сожгли. Когда их деревня была освобождена, Натаску, младшую сестренку, определили в детский дом. Бойкая она, смышленная и вся в мать: большие голубые глаза, вздернутый носик, длинные косы.

На тумбочке рядом с книгами лежал патинация фотографии. Павка каждый вечер не внос смотрит, но делает это так, чтобы ребята не видели.

С тех пор, как Павка надел черную шпиль с серебряными буквами на петлицах и форменную фуражку, он почувствовал, что и вырос, стал шире в плечах, даже походка, и та переменилась. Правда, иной раз, нечего греха таить, хочется с разбегу перепрыгнуть через канаву, но Павка тут же сдерживает себя.

В город Павка любит ходить один, и не потому, что он сторонится ребят. Вовсе нет! Просто ни у одного из его товарищей не хватает терпения шагать всю дорогу степью, вяло, не торопясь.

— Мишь, точно гусыня, — часто подтрунивает над Павкой его друг Аеша.

Один только Миша Рябов пожимает Павку и разделяет его взгляды. И хотя они учатся в разных группах — Миша на токаря, а он на слесаря, — их войдя не разошьет. Ребята недоумевают. И о чем это Винтик с другом вежливо шепчутся? «Секрет, конечно, неваши, — думает Павка. — Но не кричать же о нем на все училище! Придет время — узнаете».

А дело в том, что Павка с Мишей решили в первую получку купить себе по паре коньков для фигурного катания и ботинок к ним. У Павки никогда не было своих собственных коньков. Бывало, посмотрит мать, с каким трудом прикручивает он бечевкой к валенку ржавые, выдвинувшие «снегурки», доставшиеся ему в наследство от соседского пареня, и скажет:

— Ну, ничего, чемпион, прогони отец фашистов — купишь тебе настоящие. Только не суждено было ей выполнить свое обещание.

А на дилек, принимаю от Павки готовую работу, Ян Мартынович долго разглядывал отшарбаненную деталь и неожиданно строго спросил:

— Куда станешь деньги давать, когда разряд тебе присвоят? Зарабатывать будешь много: руки золотые.

И, помолчав, закончила совсем другим тоном, точно Павка ему не ученик, а сын меньшой:

— Как думашь первой получкой-то распорядиться?

Павке очень хотелось поведать мастеру о своем заветном желании, даже совета спросить: какие к конькам ботики выбирать — коричневые или черные? Он уже было и рот открыл, чтобы спросить, но постеснялся. «А вдруг Ян Мартынович скажет: «Ох, Винтик, Винтик, неосозданный еще человек!»

«А может быть, и впрямь неудобно человеку, к которому на заводе по имени и отчеству обращаются, станут и вот-вот должны рабочий разряд присвоить, покупать коньки?» — подумал Павка и, сделав над собой усилие, безразличным тоном произнес:

— Я еще об этом не думал, Ян Мартынович.

— Воскресное утро выдалось светлое, солнечное. Ночью была метель. Казалось, горло нарочно оделся в белоснежный наряд к этому дню.

Павка степенно шагала по тротуару. В боковом кармане его форменной гимнастерки лежат две новенькие сторублявки. Их мастер дал Павке вчера и сказал:

— Заработка твоя их честно. А вот на что изволь походить, походить.

Утром, когда хотелось угостить мастера сторубкой. «Но кто зимой ест мороженое? А может быть, он любит сапожное приобщение? Но как спросить об этом? Еще обидится», — рассудила Павка.

Утром, когда Павка получила у воспитателя увольнительную записку, Миша шепнул ему:

— Без коньков не приходи.

Коньки Павка облюбовала еще летом. Был в городе, он специально подошел к витринам магазина убедиться в том, что они еще не проданы. И хотя в ideale смонно было думать о том, что коньки раскупят, он все же воодушевился.

В магазине было шумно. Люди громко переговаривались, совсоставляли примерки вещи. «Трах-тах-тах» — шумели железные каски, пулеметной очередью выбивая ленточки чеков. Павка с трудом протискалась к витрине.

— Тридцать седьмой размер? — переспросил продавец, перебирая на полках «коробки». — Все большие номера, а этого сейчас нет.

Вспешно, у Павки был такой удрученный вид, что продавец тут же добавил:



— Не огорчайтесь. Для вас, молодой человек, с витрины сниму! Там как раз должен быть ваш размер.

Павка тяжело опустился на стул. Рядом с ним сидела девочка с большим свертком в руках. Оттого ли, что он неважко отодвинула свой стул или зацепила полой шинели соседний, только сверток из рук девочки выскользнул на пол. Павка нагнулся и стал торопливо подбирать выпавшие из него яркие ленты, свернутые колечком. Каких только расцветок здесь не было! Он никогда и не думал, что на свете существует столько цветов.

— Какой вы неадекват! Давайте сюда, — засмеялась девочка.

Павка окончательно сконфузилась. Теперь ему казалось, что все присутствующие в магазине смотрят на него. Но особенно его смущало другое: почему он раньше не догадался купить такие же яркие ленты сестренке? Он часто писал Наташе о том, что скоро станет зарабатывать, и, наверное, она уже давным-давно ждет от него подарка. Что, если купить еще и матери на платье — темносинее в белую крапинку? Точно такое, как было у мамы...

А коньки? Как же быть с ними? Он обещал Мише, что в первый же морозный день пойдет с ним на каток. Но, впрочем, почему он должен кататься на своих коньках? Разве нельзя взять напрокат? Вдобавок, он самша, что в училище будут давать коньки всем, кто захочет заниматься спортом. И совсем не обязательно иметь собственные... Но что сказать продавцу? Ведь он ждет и, кажется, даже чек выписал?

Внепрен кружились мысли. «Скажу, что ботики яму? — вот и все», — решила Павка. Но ботинок, как назло, принахся в сумку

пору. Вот прокатился бы! А что, если поспешно отослать в другой раз? Но Павка тут же отогнала эту мысль и произнес с усмешкой:

— Мама...

Он не привик врать и стоил теперь красный, точно целый час парился в бане.

— А вообще-то говоря, — добавив он, — я раздумываю покупать их...

Вышло уже совсем темно, когда Павка, усталый, вернулся в общежитие. Внизу, в клубе, шла картина «Адмирал Ушаков». Хорошо, что он не встретил никого на лестнице. А то сейчас Миша поделает бы — и начнется!

— Ну, купила? Показывай! Нет? Почему?

А разве легко ответить на эти вопросы? Да и поймет ли его Миша? Вот если рассказать все Яну Мартыновичу, то обязательно поймет. И, наверное, скажет: «Молодец, Павка! Когда мастер так говорит, Павке кажется, что и отец сказал бы то же самое».

Павка долго не может уснуть. Но постепенно всем делается все тяжелее и тяжелее, а тело проваливается куда-то. И снится ему, что скрипнула дверь и в комнату вбегают Наташа, а на ней синие ленты в белую крапинку, в косы влетают голубые ленты.

— Павка! — говорит Наташа, наклонившись над ним. — Какой ты у меня теперь большой стал! Ты теперь самый главный на заводе? — она смотрит на Павку и беззвучно смеется.

А няню — в комнату входит Миша. Он быстро окидывает взглядом навзник тумбочку, находит почтовую квитанцию и пытливо смотрит на друга: что бы это могло значить? Поспешно отправил? Куда?

Но Павка сладко спит.



Дипломник художественного института Анатолий Луценко за работой над портретом знатной свердловщицы Харьковского тракторного завода комсомолки Веры Походенко.

Фото А. Моклецова.

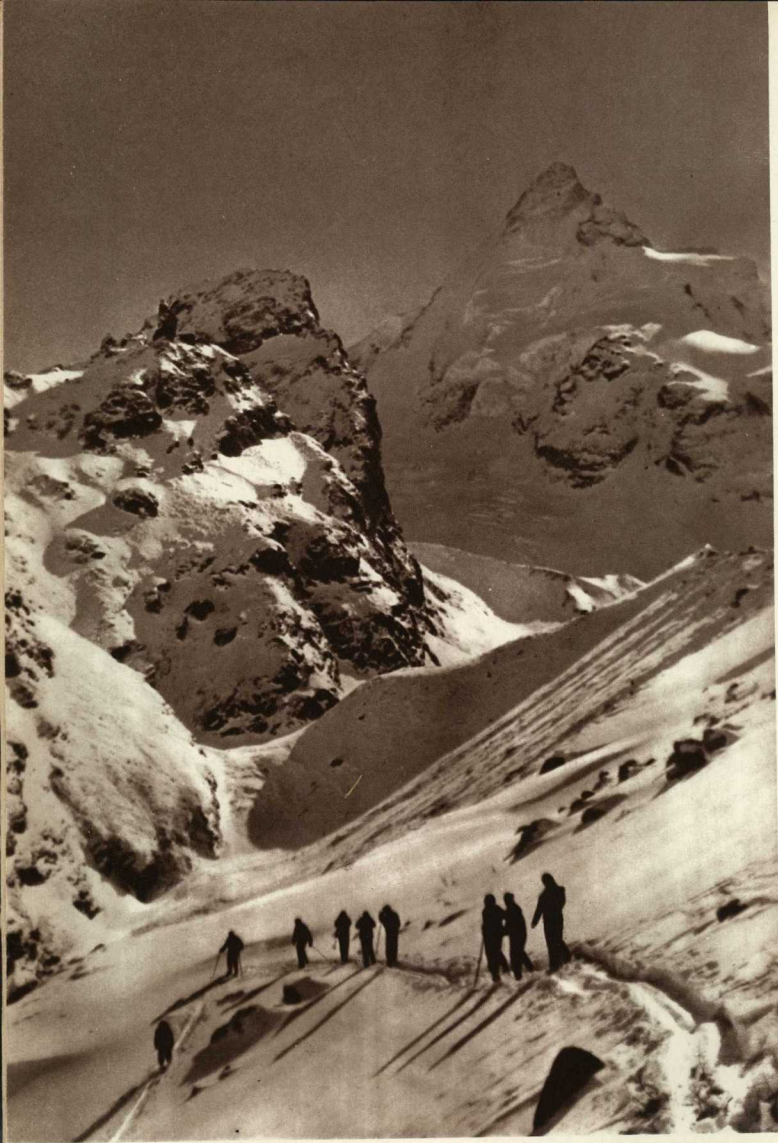


фото В. Гиппенрейтера.

Центральный Кавказ. В ущелье Армагсу.

# О ИСТИННОСТИ ПРАВДЫ

Комсомольцы долго спорили. Один говорил, что кандидатура Павла Осипова самая подходящая. Образование — десять классов, с людьми вежливый, обходительный, всегда добрый, душа физкультурника в районе, по хозяйству хлопотливый. Другие возражали: не хлопотливый, а сутяжный. Кроме того наговорил с три короба, а ничего не сделает. Им слова возражали: парень всего два месяца в колхозной организации, а школе о нем ничего плохого не сказали. И опыт возражения: плохого не сказали, но и хорошего тоже не говорили. И все-таки большинством голосов решили: рекомендовать Павла Осипова.

— А мы-то где? Смотреть будем...  
— Ну, что ж, Павел, так Павел! — И партияное бюро, и правление колхоза согласились с предложением комсомольской организации. На этой должности такой человек и нужен: чтобы и поговорить красноречиво и отмахнуться от всякого.

— Ну, да ведь на глаза у нас. Помогать будем...

Так Павел Осипов, девятнадцатилетний молодой человек, только что окончивший среднюю школу и получивший аттестат зрелости, сразу же стал на видное место среди колхозной общины: его назначили директором вновь открывшегося колхозного Дома культуры в селе Дедюхино.

А через полгода Павел Осипов сел на скамью подсудимых.

— Кто это случилось? Оскорбил ли он кого? Может быть, подался с кем? Или похитил колхозное добро? Нет. Ничего такого не было. Павел Осипов оказался человеком, поведение которого бывает иной раз опаснее для общества по своим последствиям, чем прямое правонарушение.

Вот что произошло в новом Доме культуры ровно через два месяца после его открытия. На соседнем большом строительстве работала группа администраторов. Среди них организовалась компания из нескольких человек с имени Филкой Одноглазый. Они все образовались в округе, но уличить их пока не удавалось.

Работе со строительства начали бывать в колхозном Доме культуры, где часто демонстрировались кинофильмы. Заходя сюда со своими друзьями и Филкой Одноглазым, Павел шуток-прибауток умел утихомиривать, иногда не в меру разгуливающих друзей Филки, и до поры до времени никаких происшествий не случалось.

Однажды, когда в зале на втором этаже показывался кинофильм, Павел зачем-то спустился вниз. Там он увидел двух молодых людей из компании Филки, которые прожались как бы в ожидании чего-то. Павлу это показалось подозрительным. Он направился к ним и только хотел было заговорить, как дверь на фоне распахнулась, и Павел в упор столкнулся с Филкой. Несколько секунд тот бессмысленно поморгал на Павла своим мутным одиноким глазом, потом вдруг выхватил из кармана шаровый револьвер и ткнул им под нос Павлу: «Выдай! — только выдай, Поняночка!» В следующее мгновение все трое скрылись.

Первым желанием Павла, когда он пришел в себя от неожиданности, было побежать в вестибюль и позвать дежурного у дверей комсомольца. Но ноги как бы нарочно довольно поперек к лестнице, подняли наверх. Войдя в зал, Павел опустился впопыхах на первый свободный стул и сжался в предчувствии страшной, непонятой им беды.

Когда окочился сеанс и народ потянулся из зала, Павел, словно прикованный к стулу, поднялся не сразу. Потом вдруг сорвался с места и побежал вниз. На первом же ступеньках лестницы он услышал отчаянный женский крик

сверху. Павел едва удержался на ногах. В коридоре уже сгрудилась толпа. Павел с трудом протиснулся вперед. То, что он увидел, потрясло его к месту: на полу лежала без сознания семнадцатилетняя дочка колхозного бригадiera Надя Решеткина...

Не приходя в сознание, Надя умерла в больнице. Следственные органы занялись расследованием преступления. Павел Осипов молчал.

Шли дни, недели... Преступники все еще не были обнаружены. Веселый шарик, Павел сплел. Не слышали уже от него ни шуток-прибауток, ни бойких речей с трибуны Дома культуры, не видели его, как бывало, в первой паре среди танцующей молодежи. Он осунулся, сторонился людей, все чаще заговаривал об освобождении его от должности директора.

Дедюхиноские колхозники сочувствовали парню, утешали: «Брось, Павел, сокрушаться. Этим делу не поможешь». Сильно беспокоился за душевное состояние сына и мать, Клавдия Васильевна.

Участие колхозников, жалость матери ножом резают сердце Павла. Сколько раз он собирался пойти и честно признаться во всем, помочь изловить преступников! Но в последнюю минуту перед ним выплывала физиономия Одноглазого и дуло револьвера под самым носом. «Не он, так другой прикован...» И Павел продолжал нести тяжесть преступления, соучастником которого он себя считал. Иногда он пытался найти для себя какую-нибудь отдушину: авось, Филка попадет на другом черном деле! Тогда и преступник будет наказан и он, Павел, останется жив и вздохнет свободно...

Но подобные наивные рассуждения не приносили душевного спокойствия. Борьба между стремлением к мучительности достигала в нем высшего напряжения. — Иди? Расскажи? Спроси: «Почему молчал? Почему солгал перед своей совестью? Струсил? Позор!» В позапрошлом году, еще в девятом классе, он занял первое место на районных скачках с препятствиями. Его назвали за храбрость. Грамоту получил. Но теперь...

Комсомольцы села собрались в комнате отца Дома культуры. Обсуждали план проведения октябрьских торжеств. Как всегда, было много шума, споров. Серьезные разговоры то и дело перемешались смехом. Павел смотрел на охваченные лица товарищей и в мучительной, смертельной тоске думал: «У них чистая душа, поэтому им всешло... А я сам украл у себя честное имя. Без честного имени жить нельзя. Несчастье!» Павел вдруг почувствовал, как все перед его глазами запылало, запылало. Он окочунулся на стуле и свалился на пол.

Три недели пролежал Павел в больнице. В горячем бреду он все куда-то прыгался, кому-то грозил, бил себя кулаком в грудь. Потом падал в похулки лицом и надолго затихал, лежал, не шевелясь, словно не дыша. Клавдия Васильевна день и ночь дежурила у постели сына и, прислушавшись к его бреду, томилась несвоям преступником.

На третий день по выходе из больницы Павел все рассказал матери.

\*\*\*

Мать не забрала сына и не зарыла. Она долго молча сидела за столом напротив сына, склоняя на грудь седую голову. Потом поднялась. Вот она — первый его судья! Каждая жилка в нем напряглась до отказа, по лицу разлилась мертвенная бледность, еще неокрепшие после болезни силы, казалось, снова отдавали его. «Откажешь? Откажешь? Мама...»

Клавдия Васильевна медленно, с трудом передвигая ноги, подошла к сыну и крепко при-

жала его голову к своей груди. Павел в изнеможении закрыл глаза и опустил перед ней на колени.

И я буду утешена тем, что она... советской, родила призывала — тихо, но твердо принесла мать — Или... Павел!

И Павел пошел. Он знал, что его ждет возмездие. Но он уже не боялся его. Перед уходом он крепко обнял и поцеловал мать. Выходя, даже поправил шапку перед зеркалом. Мелкаяду знакомая, а потом неузнаваемая фигура высокого, тощего молодого человека, с бледным до синевы лицом, с новым выражением твердой решимости в глубоко запавших глазах.

А Клавдия Васильевна, облокотившись на стол и прижав ладони к вискам, долго сидела в угнетенном раздумье. Откуда же грянул гром?

Муж ее умер, когда Павел исполнилось три года. Старший сын работал инженером, одна дочь — врачом, другая — учительницей. Все они давно разлетелись в разные стороны, с ней оставался младший — Павлик, родившийся значительно позже трех первых детей. Мальчик был слабышным, нервным, впечатлительным. Она, Клавдия Васильевна, дрожала за его здоровье. Это она и развила в нем любовь к спорту, с раннего детства привила ему вкус к гимнастике, и холодным обтранным, к физкультуре. А вот воспитанием его характера она занималась мало. Теперь она это видит: да, мало!

С матерью он был ласков, даже нежен. Умел смеяться, любил ее openness, вносил в ее трудовую жизнь бодрость, юное веселье. Он был ее светом, теплом, но как бы зашпили ее от надвигающейся старости. Павел заявил, что по окончании школы он от нее не уедет, а будет работать в колхозе. Учиться дальше возможности не было. Павел только один этот момент была счастлив: вперед светом, безоблачно...

И вот: трус и лжец. Да, она вспоминает теперь, что он с самого раннего детства был бокалом. Он боялся заходить в темную комнату, ни за что не оставался в доме один. Особенно боялся наказания! Все это тогда умиляло, казалось смешным в милом, ласковом ребенке. И она не боролась с его трусостью.

Уходя на работу на целый день, она поручала мальчику до прихода старших детей из школы соседей, грубой, невежественной женщины, у которой было только одно дело воспитания: запугивание ребенка. «А вот тебе утешительная! Даже из матери она делала для ребенка пугало: «А вот я расскажу все матери! А вот мать придет и тебе тоже задаст!»

И хотя мать никогда не наказывала Павлика, он бросался к ней, дрожа, как осенний лист. И, не давая ей выговорить ни слова, спеша предупредить жалобы тети Марфуши, начинал лепетать всякую чепуху, вроде: «Мама, тетя Марфуша — она тоже любит спать... у нее глаза маленькие-маленькие. Она думала, что это я курюю гоняю, а это вовсе Петяшка.» Вместо того, чтобы тут же разоблачить его ложь и разъяснить, как нехорошо сваливать свой проступок на другого, мать смеялась над маленькими трусостями, над его «очинчивательством», никогда не задумываясь над тем, как это все отражалось на формировании его характера. Смеялись и ее старшие дети, когда Павлик сочинял им всякие небывальщины, чтобы оправдать свой проступок.

Клавдия Васильевна вспоминала, что было изю дня в день, изю дня в день. Она не боролась с трусостью, трусость же рождала ложь. А ложь, рожденная трусостью, — самая злокачественная ложь. Может быть, она и задумалась бы, чтобы опровергнуть свои грехи, дерзким, злонравным... Но мальчик был добрый, ласковый. Когда проступок его обнаружился, он с рыданиями просил прощенья. А мать не вы-

носил его следа, все ему пропало, лишь бы ребенок был покоен и здоров.

— Да, да... любила слепой, неразумной любовью... шептала Клавдия Васильевна, сидя в одиночестве за столом и крепко сжимая ладони в кулак.

Учитель Павел не блестяще, но и особых проступков не совершила. А для многих так называемых «средних» учеников в наших школах весьма неважным в них мало обращают внимания. Хорошие и отличные ученики, яркие индивидуальности, доставляют учителю удовлетворение, радость; плохие, недисциплинированные, лентяи — тоже своего рода «яркие индивидуальности» — отнимают много сил, времени и даже постоянно на виду, поэтому сохраняются в памяти. А «средний» ученик не доставляет ни радости, ни горя, и учителя иногда даже затрудняется обрисовать его характер.

Правда, учителя не могли не знать, за что товарищи прозвали Павла Осипова «свазиной». И сами иногда говорили: «Павлик совет — недорого возьмет». Но пока это качество Павлика никому, кроме него самого, не пришло осознанию да, никто из учителей, ни пионеркават, ни позднее комсомол — не интересовался, откуда взялась и каким образом развилась в мальчишке привычка лгать. Клавдия Васильевна не помнит, чтобы кто-нибудь из школы когда-нибудь заговаривал с ней об этом. Впрочем, нет, был один случай...

Павлика недавно пригласил в комсомол. Однажды он, вместо того, чтобы пойти в школу, протрогал целый день в кузнице, где что-то мастерил для себя. Дома он ничего, конечно, об этом не сказал, а в школе на другой день сообщил какую-то небывшую. Классная руководительница сообщила секретарю комитета комсомола: вот, дескать, комсомолец-новичок, правду от него не узнаешь, займитесь им. Секретарь комитета — Клавдия Васильевна хорошо знает в лицо этого юношу — Ваня Алексеев, шустрый, разбитый парнишка, прибежал в дом к Осиповым. Тут все раскрылось. Павел расслапсая и дал слово, что он не будет нарушать дисциплину и не будет обманывать. Он пропущен урны в первый раз.

На другой день Павел вступил как обыкновенно оклеянный, чем-то очень довольный. «Мама, а сегодня выполнил комсомольское поручение! — Какое же? — Ваня Алексеев послал меня в прищепе колхоза догвариваться насчет лошадей. Нам нужно воды на коток навозить. Я пришел и сказал прямо, что я от директора школы... — Позволь, но тебя же посылал Ваня, а не директор? — А Ваня сам сказал: «Гы не говори, что я послал, а скажи — от школы». Понимаешь, мама? Ну, я сказал «от директора» — это ведь все равно. Ведь мы же не для себя обманули, а для всех ребят...»

Клавдия Васильевна тут же намеровалась пойти к директору и побеседовать, но ее срочно вызвали на работу, а потом так она и не сходила. А Павлик вместе с Ваней Алексее-

вым, учеником десятого класса, так и остались в убеждении, что для себя обманывать нельзя, а для общего дела можно...

— Ах, как мало я обо всем этом думаю! — продолжала шептала про себя Клавдия Васильевна, высидевшись за столом весь корпусом на стороны в сторону, как от зубной боли. — Павлик, Павлик... Это должно было случиться рано или поздно... Должно было...

\*\*\*

Павла Осипова осудили условно. Суд не был строг к нему. И потому, что весь колхоз был свидетелем его душевных страданий на протяжении почти трех месяцев, и потому, что его искреннее раскаяние помогло найти правоту Родины, у которых Фыхла Одноглазый был лишь «подручником». А главное, потому, что сила правды в душе советского юноши одолела силу неправды.

Клавдия Васильевна Осипова права: то, что случилось с ее сыном, должно было случиться. Ни семья, ни школа, ни комсомольская организация не приложили достаточных усилий, чтобы вырастить из Павла человека, асно предсказывали, что хорошо, а что плохо, сообща с твердыми принципами, определяющими нормы поведения, человека с волевым характером, со своим собственным лицом.

И при первом же серьезном жизненном испытании он выдержал, ибо ложь в нем с детства питалась трусостью, а трусость ложью. И если в конце концов он все-таки преодолел и трусость и ложь, то отнести это надо к тому, что жил он в советской среде, в атмосфере честных и гуманных отношений, и это не могло не отложиться в нем значительной долей противостоящих злод нравственных сил.

Мать Ольга Кошевой Елена Николаевна Кошевая в своих воспоминаниях о сыне очень точно и психологически оправданно указывает как на одну из главнейших черт характера мужественного характера Олега на его честность и правдивость. «Олег никогда не лгал в мелочах», — говорит Елена Николаевна, — он не солгал и в большом».

Измученные, истерзанные полым врагом, все державшиеся на ногах от голода и пыток, такие юные герои, как Зоя Космодемьянская, Шура Чекалин, Олег Кошевой и многие другие, ни в словах, ни в поступках не нарушали своей верности Родине. Откуда же взялась такая сила у этих юношей и девушек? Она, эта сила, развитая в них с младенческих лет, как привычка ни в чем и никогда не лгать перед своим совестью, перед Родиной, перед святым делом своего народа. Они могли поступить только так, как поступили. Они так воспитаны. Они богатыри духа, олицетворение всекорыстной воли советского человека. Они сама Правда. Они сам Мужество.

Честность, правдивость, принципиальность — основные признаки мужества, твердого, волевого характера, способного противостоять любым трудностям в жизни во имя коммунистических убеждений, во имя правды.

Именно с младенческих лет необходимо вос-

питывать эти драгоценные качества. Прежде всего силою личного примера родителей, учителей, руководителей пионерской и комсомольской организации. Эта истина стара, но иногда мы бываем настолько далеки от нее, как будто она развилась только вчера...

Пятилетняя девочка сгалага матери. За столом во время обеда (очень скатати, между прочим) отец читает дочери нотацию. Отец молодой, он уверяется ролью воспитателя и пространно рассуждает ребенку, почему лгать стыдно, некрасиво. В это время в комнате раздается телефонный звонок. «Нина», — обращается отец к девочке, — подойди к телефону и скажи, что папы нет дома. Девочка со всех ног бросается к телефону. «Папы нет дома», — говорит она в трубку, лукаво подбавив глазами на папу, сидящего у стола. — Когда будет? — Девочка на мгновение смущается, но тут же соображает: — Папа будет вечером. Все довольны: и папа, и мама, и бабушка. Ну, а что скажи бы папа, если бы Нина спросила его: «Почему же маму обманывать нельзя, а чужого дядю можно?» Пятилетняя девочка, понятно, не спросит, но придет время, когда на этот вопрос она ответит себе сама.

Какой бы мелкой и незначительной ложь ни казалась, ее надо немедленно разоблачить и добиться, чтобы солгавший не только сказал правду, но и сам осудил себя. В этом главное. Нельзя считать пустым самым малейшим случаем, если он помогает укреплять привычку говорить и поступать правдиво. Стоит только раз не придать значения обману, хотя бы и маленькому, как в следующий раз ко жди прибегают уже с более легкой совестью.

Правдивость, ясная порядок и личную жизнь и в общественной, она несет с собой живнерадостное, светлое настроение, создает здоровые взаимоотношения между людьми, теплую, дружескую атмосферу. Правдивость сообщает человеку внутреннюю красоту, делает его гудым, свободным, независимым, мужественным.

У нас еще нередко мужество понимается как чисто физическое качество. Между тем прийти к рождению, к учителю, к пионервожатому, к руководителю комсомольской организации можно сказать: «Я совершил проступок» — не менее, а более трудно, чем, скажем, прыгнуть вниз головой с вышки в школе плавания или перескочить верхом на скаковой лошади через высокий барьер. Мы видели, что Павел Осипов умел брать призы на скачках, но он боялся правды и тем сгубил свой характер, отравил себе жизнь.

Только правдивый человек способен к творческой, созидательной деятельности, так как в основе всякого подлинного творчества лежит правда. В противоположность лжи, неизбежно привносящей к скудости мысли, правда порождает мысль смелую, широкую, богатую, подвигающую человека над житейскими мелочами, обязывающую пережить и высоты общенародных интересов, общенародных, коммунистических идеалов.

А. ПРОТОПОВА

Жансo ТУМУНОВ

## ЛЮБЮ ТЕБЯ, МОЙ КРАЙ РОДНОЙ!

Любю тебя всем сердцем я,  
Бурят-Монголия моя!  
Не разлюбят мне никогда  
Твоих Саян зеленых цепь,  
Твои богатые стада,  
Цветаты убривную степь,  
Волны байкальской синевы,  
И в росах сочную траву,  
И озмуля в стремнингах рек,  
И тибетов могучий бег,  
Оленьи голоса в лесах,  
И песню о землe родной,  
Что глотчий мчигчя в небесах  
Над необъятной ширинью...

Любю березы в шалашах скал,  
Канах, что воду в степи дам,  
В колхозах раннюю весну,  
И трактор, взрывший неспаю,  
И первый колос палытой,  
И спон, как солнце, золотой!  
Любю цехов высокой ряд,  
И новых паровозов свет,  
И прочный лес, что в Сталинград  
Везет отличник-машинист,  
В Улан-Удэ высокий дом  
И знамя красное на нем,  
Что солдцем утряннин горит,  
О нашей силе говорт.

Любю в степи среди сингов  
Сеть телеграфных проводов,  
Что к нам слова Москвы несут,  
Начи окрыляющий труд.  
Любю всей омой сердца я  
Тобя, республика моя,  
За то, что Ленин в грозный год  
Путь указал тебе вперед!  
Любю тебя, мой край родной,  
За то, что в дружбе ты растеши,  
И коммунизм со всей страной,  
Ведомый партия, идея  
Перевыска бурят-монгольного  
Елена НИКОЛАЕВНА  
и Ирина СНЕГОВА.

Гр. КУРЕНЕВ

# ДАЙТЕ ТРУДНОЕ ДЕЛО!

Дайте трудное дело,  
Дайте дело таше,  
Чтобы сердца горело  
И не знало покоя...  
Л. Ошанин.

1. Напряжён, по проселочным дорогам, от Тамбова до районного центра, где расположена Иердеревская МТС, немногим больше ста километров. Но чтобы попасть в Иерданку из Тамбова по железной дороге, надо с вечера возвратиться в Минчуринск и там до рассвета ждать поезда «Москва — Сталинград». Иерданка не без основания может считаться глубинным районом: одно и то же время требуется для того, чтобы попасть сюда на областном центре и из столицы.

В МТС, что находится в Иерданке, уже прибыло много молодых специалистов: механиков, агрономов, зоотехников. Продолжат они призывать и до сих пор. Здесь уже сложился своеобразный порядок встречи приезжающих.

Два раза в сутки — к приходу поезда — шофер элитасовского вездехода Коля Руданов отправляется, как он сам говорит, «в свободный поиск». Он никогда в жизни не видел человека, которого выезжал встречать, но каким-то особым чутьём угадывал и выбирал из толпы именно того пассажира, за которым приехал.

Вчера это была растерявшаяся в козальной суматохе девушка с чемоданами и аэроузлами, расстраивавшая у встречных дорогу на усадьбу МТС. Сегодня — не обремененный багажом парень. Но ни той, ни другому не пришлось долго задерживаться на перроне.

— И нам, в Иердеревскую — безошибочно определит Руданов. — Да, в Иердеревскую, — обрадованно отвечают молодые пассажиры, потрясенные колыной пронизательностью.

Совместными усилиями уложены в машину вещи, и вот уже по заснеженному полю, через мостик, который с обеих сторон обступили покрытые сказочным инеем рябины, Руданов «с ветрено» вчит вновь прибывшего на усадьбу.



Фото Я. Халина.



2. Так был встречен и комсомолец Ваня Попов, назначенный в Иердеревскую МТС на должность участкового механика. Попов — выпускник Московского машиностроительного техникума имени Дзержинского при Первом государственном подшипниковом заводе.

Приехал он, назалось бы, в новое края, но уже с первых шагов почувствовал себя здесь так, будто давным-давно знаком и с Юлей Рудановой, и с его вездеходом, и с пригородными рябниками, будто после долгой разлуки вернулся в родные места.

— Нашего полку прибыло! — встретила Попова секретарь комитета комсомола МТС Валентина Бонова и комсомолец Мил Чернышев.

Оба они прошлым летом закончили факультет механизации в Борисоглебском лесном техникуме, оба были назначены по их просьбе в одну и ту же МТС и, чтобы не разлучиться, поселились здесь вместе на квартире близ усадьбы МТС.

— Места хватит, хозяйка противника воспарять не будет. Вот и занимаю — три механика, три вездехода друга, — предлагает Попову Бонова и Чернышев.

Попову хотелось бы порасспросить товарищей о новом месте, о колеектриве, в которой придется работать. Но, как это заведено, надо в первую очередь самым подробнейшим образом ответить на вопросы новых друзей о столице — Москве.

Бурья хочет знать и о здании университета на Ленинских горах, и о новых станциях метро, и еще о многом, многом другом.

Всёгда затянулась бы до поздней ночи, если бы не шевелительство хозяйки: — Дни вам завтра не будет, получите! Далеко бы отдохнуть человеку с дороги...



3. Своего непосредственного начальника — главного инженера МТС — Попов представлял себе несколько иным. А оказалось, это совсем молодой человек, так же, как и Попов, недавний студент. После окончания Саратовского сельскохозяйственного института вот уже полгода работает комсомолец Николай Бизиев главным инженером Жердевской МТС.

— Молодой, а напористый, — говорит о нем старье, кадровые механизаторы. — Бухгалтерность нашу как посправил! Долгое время МТС получала энергию с соседнего предприятия. А соседи часто подвозили механизаторов: то убавят нагрузку, то вовсе отключат мастерские, где идет ремонт тракторов. На складе же порывался трехлетним слоем пыли исправный двигатель. Пустовало и построенное для электростанции помещение. Бухгалтер подсчитал, что собственная электростанция нерентабельна, выгоднее пользоваться щедротами соседей. И мнение бухгалтера так утвердилось, что даже свирялись с простовым по вине соседей.

Бизиев сам проверил все расчеты, и оказалось, что собственная силовая установка вполне рентабельна. А главное, простоял июнь! Знакомство нового участкового механика с главным инженером произошло как раз в день пуска электростанции. — Присматривайся повнимательнее к ремонту, чего не поймешь, не стесняйся спрашивать. Всем нам тут учиться придется, — напутствовал молодой инженер молодого механика.



4. Тонарь-комсомолец Виктор Соловьев пришел в МТС из Советской Армии. Еще несколько дней тому назад, так же как и Попов, он знакомился с коллективом, расположенным в ремонтных мастерских, оборудованием. А сегодня он уже на правах участкового механика о работе мастерских, где ремонтируются и изготавливаются тракторные детали.



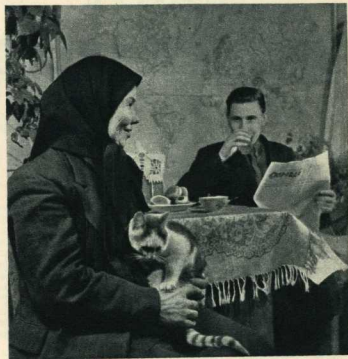
5. — Как там у вас, на Подшипниково, оборудование и станки получаются? — интересуется слесарь Леся Кириллов, работающий на сверлильном станке.

В мастерских тесно, холодно, оборудования и станков не хватает, но молодцы ремонтных мастерских прилагают все усилия, чтобы не задерживать ремонт тракторного парка. Трудно, конечно, в таких условиях работать, но, как говорится, не сразу Москва строилась...

6. Молодые специалисты, приехавшие в Жердевскую МТС, не чувствуют себя «временно приписанными» к колхозному производству. Многие из них уже успели перевезти к месту новой работы свои семьи.

— Первые дни было как-то не по себе на новом месте, — рассказывает Мария Дмитриевна Бизиева, приехавшая к сыну. — А теперь привыкла, будто давно здесь живу.

Как хорошо после работы в холодных мастерских заснать в теплую, уютную комнату, выпить стакан горячего чая, посмотреть своему газету!



Многие специалисты перевезли бы свои семьи сюда. Но беда в том, что на усадьбе МТС нет жилых домов. Большинство работников живет на частных квартирах вблизи усадьбы.

— Получаем уже строительные материалы, строить будем, но пока трудноато, — говорит инженер.

Нет в МТС и клуба, где смогли бы после рабочего дня собраться механизаторы, поговорить с дадами, поделиться опытом работы. Из-за отсутствия помещений слабо налажена учеба. Устройство быта и учебы механизаторов во многом зависит от районных и областных организаций. Райком и обком комсомола плохо еще заботятся о механизаторах, работников райкома и обкома — редкие гости в МТС. Обо всем этом говорили комсомольцы машинно-тракторной станции на районной конференции. И они ждут, что их сигналы будут приняты!

7. — Мы говорим о продлении срока жизни машин, бережливости, качественной ремонтной работы, но и стоим всю зиму сельхозмашинам. А выйдет трактор из ремонта и стоит всю зиму под открытым небом. Разве ему от этого прибавится срок жизни! — с обидой говорит механизатор.

В МТС были крытые, благоустроенные гаражи для тракторов и прицепного инвентаря. Но их почему-то отдали автоколлону. И вот богатейшая техника стоит под открытым небом.

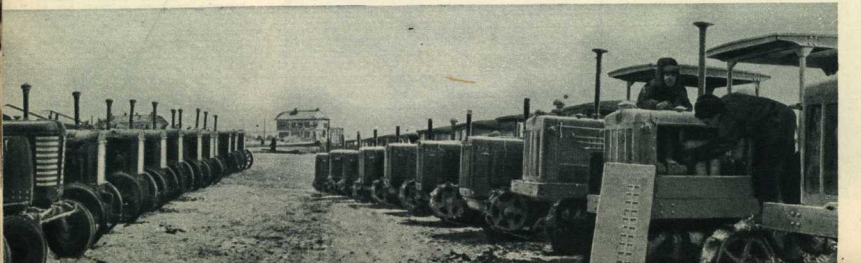
Много творческих усилий механизаторов пропадает из-за этого явно некачественной, негосударственной прайтнинга.

— Сфотографируйте наш парк, — попросили они. — Пусть увидят все, в каких условиях мы работаем, как трудно нам бороться за жизнь машин!

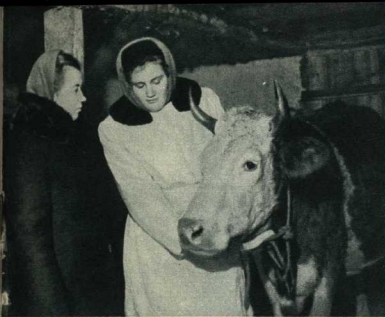
8. Большие перемены произошли с приходом молодых специалистов не только на усадьбе МТС, но и в колхозах. Когда зоотехник комсомолка Тоня Ядова приехала в колхоз имени «Прадид», обслуживаемый Жердевской МТС, она была попросту поражена. Еще и сейчас она не может без волнения вспомнить первые дни работы в колхозе.

— Вад тут долгое время существовала полная обесцелочка труда на животноводческих фермах! Кормила коров «ухудшица», дила делярка. Разве могла быть при этом высокая производительность!

Большого труда стоило Тоню изменить учорюнившийся на фермах порядок. Но она добилась того, чтобы за коров полностью отвечали доярки. И производительность молочного стада сразу начала повышаться.







Из соседнего колхоза пришла к Тоне в гости подруга Сима Зародка, тоже зоотехник. Тоня рада пообщаться с подругой опытом, показать ей свою любимицу — морозу Миранду.

— Пока что у меня одна Миранда дает до двух тысяч литров молока в год, — говорит Тоня подруге. — Но я решила во что бы то ни стало добиться, чтобы все стадо было в колхозе высокопродуктивным.

И она этого добьется!

В будущей году Тоня Якова собирается поступить заочницей в Саратовский сельскохозяйственный институт. Уже сейчас она готовится к этому, хотя свободного времени у нее не так уж много. Тоня — ведь еще и секретарь колхозной комсомольской организации.



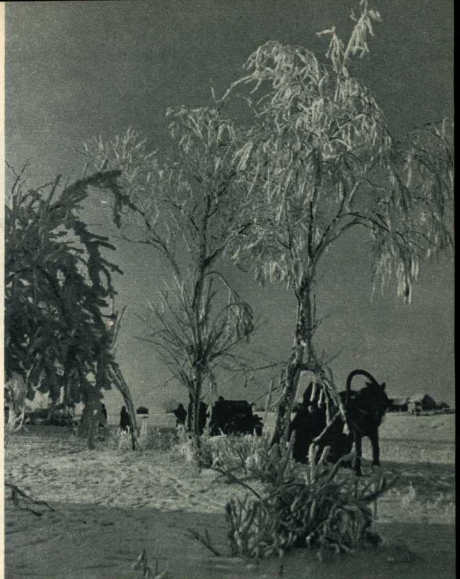
9. Имя бригадира комсомольской тракторной бригады Александра Каверина хорошо знают и за пределами Жердевского района. Бригада Каверина дерзнет переходящее знамя обкома комсомола, бригадир ее недавно избран членом бюро областного комитета ВЛКСМ.

В колхозе имени В. И. Ленина, в селе Преображенском, уважают молодого, но уже опытного механизатора. В воскресный день, когда бригадир выходит на прогулку с семьей, каждый колхозник спешит поздравиться с Кавериныным, поговорить о колхозных делах. Ведь рост благосостояния колхоза во многом определяется отличной работой механизаторов.

В прошлом году колхоз имени В. И. Ленина по всем культурам получил урожай выше плана. И в будущем году бригада Каверина не собирается снимать рекордных работ.

Из бригады ушли трое трактористов в армию, но Каверин вместе с председателем колхоза Алексеем Машовичем Кирилловым поборолись послать на курсы трактористов колхозников Рудалова, Булева и Иерзалинина.

— Это наши одноклассники, вернувшиеся из армии. Они до службы в армии были трактористами, а теперь пусть еще подучатся, — поясняет Каверин. — Ведь требования к механизаторам год от года растут. А знания долгие будут в умелых и надежных руках.



10.

Ранним утром на дороге к усадьбе МТС можно встретить много народу. Из дальних и ближних сел идут и едут в МТС трактористы заканчивать подготовку тракторов и прицепного инвентаря и предстоящему весеннему севу. Идут и едут из колхозов агрономы доложить о готовности семян к посеву, о количестве вывезенных на поля удобрений.

Идут и едут зоотехники посоветоваться о рационах кормления животных, поговорить о нуждах, с просьбой помочь колхозу в механизации трудных работ на фермах.

Идет на работу в МТС молодежь. Та самая молодежь, которая не чурается трудных дел, а, наоборот, сама ищет трудное дело и успешно его выполняет.

В хороший, боевой коллектив попал москвич Ваня Попов. В этом коллективе ему помогут расти и учиться, стать настоящим мастером нового пока что для него дела, умелым механизатором.

11.

После ленции в класс металлорезающих станков Московского машиностроительного техникума имени Дзержинского вошел комсорг Бронислав Оди. В руках он держал большой конверт.

— Письмо из Жердеви!

Студенты выпускного, четвертого курса тесно окружили комсорга. Всем хотелось узнать о товарище — Ване Попове, которого здесь все хорошо помнят.

— А ведь многие из нас, так же как и Попов, после учебы поедут в МТС. Давайте держать постоянную связь с товарищами, — предложил комсорг Бронислав Оди.

Комсомольцы тут же решили написать Попову письмо о своей учебе, о своих планах и пожелать ему удачи в работе на новом месте.





В. ТЕНДРЯКОВ

# В СЕВЕРНОМ КРАЕ

Путевые заметки

На Анатолию времена находят бесскелетными. Так случилось и сейчас, после встречи с животноводом. Он вдруг начал ни с того, ни с сего носить свои родные места:

— Говорят, засухи страшны. Да у нас пострашнее засух! Пусть даже раз в десять лет, пусть даже в двадцать такое лето случится, какое в прошлом году перепало,— и не берись в наших местах разводить скот! Только разведешь — ливни, сено гниет, солома гниет. Как же тут не уходить из таких мест? Я пробовал было возражать, потом понял: не стоит драться в нем бека.

В сгущающихся сумерках выступила перед нами белая стена старой церкви. Мы вошли в село Яхренга.

Еще в Подосиновце один ветеринарный врач мне сказал, что в этом селе живет старичок, который собирает материалы по истории Подосиновского района.

— Павел Петрович его зовут, а вот фамилия не знаю. Да спросите в Яхренге Павла Петровича, покажут.

С таким адресом я и хотел сейчас же, не откладывая на завтра, отыскать старичка. И адрес оказался довольно точным. Первая же женщина показала на маленький домик, закрытый целиком деревьями:

— Тут он живет. Знать, не лег еще спать.

На дверях калиточки перед входом — булавка, предупреждающая: «Закрывать дверь на запяточку». Просторный двор похож на маленький лужок, в глубине двора стожок сена.

На сук старой березы мы повесили свои мешки и направились к дому. Там в тонких маленьких оконных путо, не выглядывая из-за путо, неожиданно гостие ни одно лицо. Уж дома ли хозяин, уж не лег ли он с первым сумеркам спать? Удобно ли беспокоить старика?

— А вот он, кажется... — Анатолий осторожно толкнул меня в бок.

Оночание. Начало см. № 2.

За кустом сирени прятался дощатый столбик, на нем лежит аккуратно сложенная газета. За столом в белой рубашке уполночленный седоголовый человек. Он повернул лицо в нашу сторону, спокойно ждет.

Расклянчившись, представились друг другу; хозяин вежливо попросил нас присесть на дощатую скамеечку.

— Мне сказали,— начал я,— что вы занимаетесь историей Подосиновского района.

Прежде чем ответить, хозяин помедлил. Он в очках, глаза в сумерках трудно различить, только чувствуется, что они стариковские, устойчивые, добрые, подстать всему дворянско-стож-



ком, с сиренывым кустом и шатким столбиком,— какие-то уютные.

— Нет, этим не занимаюсь,— ответил он тихим голосом.— Уж прошу извинить, вам,

верно, неправильно сказали. А вот погоду правильно. Каждый день записываю: был ли дождь, какой ветер, какая облачность, температура...

— А-а-а...

Меня это несколько разочаровало. Я ожидал встретить старичка — любителя старин; с таким всегда любопытно побеседовать.

— И давно вы этим занимаетесь?

— Да с года так с семнадцати.

— Вот как! Тридцать шесть лет!

— Уж прошу извинить, ежени на год какой ошибка будет. Может, тридцать шесть, может, тридцать пять, во бумагам смотреть надобно, а они далеко лежат. Но у меня еще есть чуточку записки по погоде. Эти с тысяча восемьсот шестидесяти пятого года велись.

— Ого!

Ради такого можно простить старичку, что он не занимается историей.

— А разрешите спросить, Павел Петрович, вы должны точно знать: часто ли случалось такое лето, какое было в прошлом году? Всю же землю затопило, все урожан свежо под корень!

Спрашивая, я покосился на Анатолия. Но тот только говорил, что такие проливные лета могут сильно мешать хозяйству.

— Мне всеместею один год. За свою жизнь не помню такого. Мой отец умер семидесяти трех лет. Он мне не говорил о похожем лете. Быть может, и случаются такие ливни, но не чаще, чем раз в сто лет. И прошу заметить: помните зиму перед тем летом? Снежная была зима. Срывалась лопадь с дороги — по уши в снегу топула. Свежая зима перед дождливым летом — знаменательной!

Я почти не слушал старика, я думал о той стихии, которая разыгрывается раз в сто лет! А ведь здесь люди так и не поняли всего ужаса прошлого года...

Случись подобный год где-нибудь в капиталистической стране, наверняка поголовно все крестьяне сорвались бы с земли, разошлись в разные стороны, кто с протянутой рукой про-

силь милостиво, кто на поиски случайного заработка.

У нас этого не случилось и не могло случиться. И сейчас, перед новым урожаем, колхозники живут несколько не хуже, чем после обычного года. Едва только о стихийном бедствии стало известно, государство предрешило брать поставки с колхозов, колхозникам сразу были открыты неограниченные ссуды, весной были выданы на посев семена. Даже отдаленных отголосков той трагедии, какая должна была разразиться, не услышали в Подосиновском районе.

— Значит, победные проливные годы не помеха животноводству в наших местах? — спросил я.

— Нет, что вы! Насколько я помню, для животноводства у нас была одна помеха.

— Какая же?

— Люди, прощу извинить.

— Как это?

— Очень просто. Хотя бы прежние времена взять. Какое семя у нас росло? Вместо того чтобы самим сеять кормить да маслом да мясом, заводским, семеном торговали. Завалят на платок воза сена — и ну по реке шестиками в Великий Устюг. А много ли за сено выручали? Грош за пуд — красная цена.

Да вот и теперь... Найдете ли вы в жюльках колхоза такую дождливость — животноводов? Нет, не найдете. Там есть заводящаяся молочная ферма, заводящаяся овцеводческой фермой, заводящаяся птицеводческой. А животноводов? Такой специализации нет. Не задумывались, почему? Потому, что у нас в колхозах животных то мало. Зачем иметь нескольких заводящихся, когда один человек справится со всем животноводством! А потом, замечаю, трава расти год от году хуже стала, не ухаживают за укосами... Нет, не ухаживают. В кой-то год и случится хорошая трава, опять же извернуться не успеют, под дождь уступят.

Старик сожалелое вздохнул, мы невольно вздохнули вслед за ним.

Я все же решил еще раз попробовать заговорить о прошлом Подосиновского района. И оказалось, не напрасно. Павел Петрович подошел и через минуту вернулся к нам с мигающей лампой в одной руке, с какой-то книгой в другой.

— Вот тут найдете кое-что.

Книга оказалась летописной рукописью подосиновской Славской церкви.

— Тут больше описания, в каком месте какая изба была писана, какой краской. Это нас не интересует, да и меня, к слову, тоже. Как старинный документ хранию. Но вот во вступлении есть интересные сведения.

Я начал читать. Некий благочинный, шерей Симеон Петряин, старательной рукой писал о том, что сначала на берегу реки Юг стоял городок, прозываемый Основием. «Есть слухи, — галдеет благочинный, — что первая церковь в городке была основана. Но сии слухи суть вымысел, ибо опись — греховное дерево. Скорей городок называется Основием не от описовой церк-



ви, а от больших осип, росших подле озерог. После набега черемис на другом берегу Юга поставили заставу на надобном месте с ссылкою с одной стороны». И эту заставу назвали «Подосиновец», то есть находящуюся под Оссиновец-городком. Позднее Подосиновец стал селом.

Было интересно воронить старину при свете мигающей лампы, при шелесте кустика под теплым ветерком. Но вид Павла Петровича был усталым, маленькие глаза его под очками сияли, наконец он нам признался, что сегодня сам, хотя ему и восемьдесят один год, сделал стожок сена, и мы торопливо подыались и стали прощаться.

Вышли на улицу. Село спало под огромной спокойной луной. И нам надо было думать о ночлеге. От предложения Павла Петровича поехать у него мы отказались, просто побоялись, что усталый старик начнет беспокоиться ради нас — ставить самовар, стелить постели... Так где же притроняться?.. А, да что за беда! Каждый куст к себе притут!

Мы направились к берегу Юга. Разложили костер.

Я лежал у костра, глядел на луну, на редкие звезды и объяснял неспрошенному в астрономии Анатолию жизнь на планетах: Меркурий — расклеванная плита, на Венере страшная сырость, туманы, неподходящий воздух, на Марсе воздух и холод, но его слишком мало...

Марс воздух и холод, но его слишком мало... Нет лучше во всей Вселенной нашей Земли! И ты непра, Анатолий: на Земле наш Подосиновский район не в чиста убогих. Весь он перелетел синими речками и ручейками, леса стоят верхушками под облака... Да пусть бы он был в тысячу раз хуже, и то нельзя оставить его в покое! Каждый клочок на Земле должен отдавать человеку все, на что он способен, все, что у него есть.

Анатолий мешал в котелке острогойной палочкой, морщился от дыма и на этот раз охотно соглашался со мной во всем, что я говорил.

Спать ушел под его стог сена.

Долго гуляли комара над ухом. Они влетали партиями — дюжина тонкоколых, искляяны и один среди них басовитый, матерый. Я долго ждал, когда этот бас съедит мне на лицо, под ру-

ку, — то-то бы пришиб надоедливого! И не дождался, уснул.

Если посмотреть на план нашего района, то можно заметить, что все села и деревни расположены вблизи двух рек: Пушмы и Юга. Здесь место густо населенное. Из одной деревни всегда можно увидеть крыши другой. Но район велик, его границы охватывают и большие лесные массивы. Нет, нет, да в самой глубине их — кружок, населенный пункт; тоненькая ниточка тянется от него в сторону деревень. Это починок, соединяющий ненадежной лесной дорожкой с ближайшей деревней. Таких починок в районе около десятка. Мне и прежде приходилось бывать в некоторых из них. Идешь по дороге, лес вокруг тебя становится все гуще и гуще, все выше и выше, все темней и темней. Изредка стобку покажутся завалы — огромные сосны, заравнанные, в дохлых хвостях сохнущие земли коры, беспорядочно наваленных друг на друга, перепелены сухими, как окостеневшие руки, сучьями. Удальешь: ох! в таком месте — и дорога, хоть и узкая, хоть и затянута травой, но не звериная тропа — людская дорога! И вдруг впереди просвет, поле! Самая настоящая река, выращенная руками человека, встречает тебя и приветливо кланяется — в такой-то глуши! А за подем уже виднеются крыши, обычные тесовые деревянные крыши. Вот он, починок — лесная деревня!

Недавно каждый такой починок был отдельным маленьким колхозком. Теперь, после укрупнения, все они стали бригадами. И есть такие бригады, которые удалены от правления колхоза на двадцать пять километров, а то и больше.

В наши планы входило непременно побывать в одном из таких починок. У перевоза мы увидели попутную подводу, груженную мешками с мукой, с сахарным песком и ящиками.

Повозничий встретил нас, как старых знакомых.

— Мешки-то, ребята, содла... Вот эдак пристроим, не упадут и топорик тоже... Для чего же он вам, маленький такой?.. А-а, вын что, похальный! Толкай его, походного, промез ящиком!

Радушнее его нам повяно: на починок месячными жители видят только своих соседей. Вскз знает про всякого: какие шиш тут утром сл, в каком сапоге какой гвоздь торчит. Новые люди, нагнрующиеся незванно, — здесь событые...

Мне нравятся ходить глухими лесными проселками.

У каждого такого проселка свой характер, свое настроение.

Если проселок пересекает густой ельник, то дорога темна и мрачновата, незвольно приходит в голову грустные мысли. Как бы я в такие минуты счастлив ни был, не могу развеселить-



ся, когда с обеих сторон давит плотная, не пропускающая солнце стена сней.

При сослах чуть веселее. Но если сонный бор тынется долго, мне почему-то становится чутько страшново. Идешь километр за километром, а вокруг тебя стволы, стволы, стволы, односторонние, голые, да сверху течет ровненько зловонный туманчик кажется бор в такие минуты, пугаетея.

В осинке много солнца, мало тени. Там легко дышится, не хочется думать о серьезном. Идешь, перебираешь в уме пучочки, чувствую, что сам становишься каким-то детомисленным, как это без толку шумящее дерево.

Бережник просто люблю. В нем весело. Белые стволы горят на солнце, солнцем пропитаны все ветви, но есть и темные, гадючьей вязкой свежести. Так и тянет сторону, побегать между белых стволос. Весело идти безбрежком!

А по дороге на Удинский починок безбрежаста много.

Нам новым знакомым, Василией Андрианович, завел разговор:

— Нашел сюда переехали от пудки, конечно. С хорошею-то житья в лес от пудки не упрощается. А вот им-то за какие грехи тут сидеть? Сказали же, что в лесу, а тут надо показаться. Это восемь километров туда да восемь обратно. Восемь, а может, и десять, а может, и двенадцать, тут эти километры-то черт козочкой мерял. А молоко везти на маслоделню? Сейчас лето, мы там дорогу за сутки съезиме, а осенью едешь, колес совсем не видно. Проедешь так, помянешь, привезешь молоко, а тебя поворачивают: мы, мол, азбулканую простокану не принимаем. От всего колоса в стороне, как сачи. Часто ли к нам председатели заходят? Опять же обобщим мину: кому в бригаду комбайн и трактор, а нам суиудил «ХТЭшк» старый, самоварчик на колесах. То ли ня ним это, то ли оставил посередь деревни и любючис... Обобщим не обобщим, а езды может к нам комбайн пройт? Да он на первой версте промжк деревьях застрнет! Начальство-то все планы строят, как нас из лесу вытасить. А как тут вытасить? Надо со всеми избами выезжать. Избы-то напи едешь, а избами поставлены, добротные. Давно так? Взяли нашу лобую ибу на воэ, все углы пообкобратили. Переезжает — так переезжает, навью стронуть! А кто за это дело возьмется? Колхоз? Не выждит. Считай не считай, а кто-то платит тысяч на хозяйство, обобщимся наши переезд. Ну-ка прикиньте, платидать тысяч на тридцать два хозяйства. Это кто же? Выходит, без малого полмиллиона рублючье вам да положо! За полмиллиона-то весь наш колхоз купить можно, и то даже дорого...

Вопрос о починках — большой вопрос для района.

Этот починок, куда мы держим путь, не таковой дворок. Есть глуше, например, Фатеник, где дворок от самой ближайш к ним деревни Лоденю до двадцати километров. Далеко идти! И какой дорогой! Ни весной, ни осенью эта дорога не проезжает; только пешим, да и то по крайней нужде, можно осмелиться идти в такую пору. Летом она так и счи приговора да дождик, зимой свободнее, а зимой трактор, а на машине в любое время года ездят опасно. Как же наладить нормальную колхозную жизнь в таких починках?

Надо переезжать.

Иногда устанавливают и районные организационные комитеты колхозное правления и сами жители починков.

Хотя не все. Жители несе отдаленных мест, вроде нашего Василия Андриановича, — за переездом. Жители таких, как Фатеник, — против.

В председатели колхоза или районные власти не стремят их переезжать.

Бригадир, единственная власть, — свой человек. При таком бригадире можно сделать часть колхозного хлеба, а потом разделить; при таком бригадире можно расширить свои усадьбы и забавлять о существовании колхозных полей; при таком бригадире можно в зимнюю пору быть безнаказанно в лесах запретных лесов, в рабочее время ловить рыбу в лесных речках, ходить за грибами, за ягодами. Придется еще воевать против этого, крепко воевать.

Накопел лес когачица, началось поле. Про-

ехали еще немного, и Василий Андрианович, пошелелев иду вперед.

— Приехали. Эвои наш город... Сказывают, переезду люди селились здесь, бревна валяли прямо с корня на стену срубца, а вычье глинтые, сколько полей! Все из-под лесу вытяти.

— Да, полей вокруг Удинского починка много. Чуть-чуть заметит валивший снег, как переезду.

Вдуря я и Анатолий горю оглядываемся на Василия Андриановича.

— У вас электричество?

— А как же! Проводку сделали. Трансформаторы не привезли. Привезли, поставим, сразу засветит.

— И не похвастался, вот ведь какой!

— Чего хвастать? Почему этим и не хвастают! Не у нас, чуж, одинх.

— Но ведь пошк...

— Но ведь на починка, так мы ростом не вышди, кто ли?

Привычная картина: вдоль всей деревни шли высокие свежесобесанные столбы.

И прав Василий Андрианович: вычье этим уже не хвастают. В Подосиновском районе реэкий колхоз если сейчас не имеет, то метает иметь в ближайшее время электрической свет. Неподалеку от Подосинова поставлена межколхозная ГЭС на 400 киловатт; она обслуживает чуть ли не четверть района. Многие колхозы имеют свои маленькие ГЭС, в других — генераторы работают от локомотива. Что ж тут удивительного, что глухой починок переезает электроэнергию!

Василий Андрианович сидел на крыльце дома Василия Андриановича и раздумывал о судьбе починков. Их будут переезжать. Хорошо. Но как быть с полями, которые отвоены у леса трудом нескольких поколений? Их не переезжает. Будет, просто весной приехать сюда, засеять, оставить до осени, пусть растет, кабот на душу полюбуй! — осенью же приехать и убрать. Если пойдут по линии наименьшего сопротивления, так и поучитесь, хотя от полей, оставленных без присмотра в течение целых десятилетий, нечего ждать. Но нечего же на этой земле убирать серпом, так или иначе придется забрасывать сюда комбайны!

Может, под дура пугнуть эти земли? Может, здесь основать молочные фермы и вывозить из лесу молоко?

Василий Андрианович сидел на крыльце с бригадиром, одиорком парнем, и по-вечернему, неторожко беседовал о том, что на овес повадится ходить медведь.

Точет, проклятый, самые лучшие места выбирал.

— Еше бы, с понятием!

Говорили они спокойно, словно овес топтал не медведь, а соседская корова.

— Ружничком бы пугнуть его, у кого б взять? У Василия, что ли?

Сказал... У Василия и не стрелает, так для виду висит.

— То-то и есть, в лесу живе и не охотничий. Эй, мяный человек, тебе не темпо писать? Может, лампу вынести? И когда это трансформатор привезут? Пора бы...

Вот она, лесная деревня, тепер медведь, топчущий овес, и трансформатор, который ожидает со дня на день, — все она тут, как на ладони.

Безразжержество еше разо!

Лампочка Ильича над семейным столом подосиновского колхозника не редкость, но почти не встретишь в колхозе электромотора при скотном дворе, на коромышке около свинарника; ашь в немногих колхозах существуют электрочаи. Все крутится, моется, режется руками, а рук не хватает...

\*\*\*

Эти заметки я сделал в августе прошлого года. А в один из сентябрьских дней ешо страну облетела вост: партия и правительво пришли постановление, направленное на крутой поворот к сельскому хозяйству. Какое радостью встретиш это постановление в Подосинове!

Как-то недавно проездом через Москву у меня побывал секретарь Подосиновского райкома парт. Цирков, чьи идеи я стараюсь реализовать. Он был очень озабочен: много новых задач встал перед районом, а сделано еше мало. Большие дела вперед, труднее!

Подосиновский район, Кировской области.

Почему во время лядского возле реки холоднее, чем вдали от нее; как можно крышей зимой теплее; под соломенной или железной? Почему блестит снег? Довольно часто школьник, отлично выучивший все, что сказано в учебнике физики, являющийся наглым мистификатором и законов, затрудняется ответить на такие, казалось бы, совсем простые вопросы.

В 135-й московской школе много делается для того, чтобы научить учащихся решать практические задачи, ближе познакомиться их с новой техникой, дать им как можно больше авторских знаний. Увлечательно проходят здесь уроки физики. Вот преподаватель Георгий Семенович Дудников рассказывает школьникам о превращении механической энергии в электрическую. И ребята видят, как на действующей модели гидроэула замигают маленькие электрические лампочки. Почти все занятия по физике проводятся в действующих моделях, в лабораториях, в мастерской.

Гидроэулу, шагающий экскаватор, фотоэлектрическое реле, годетный осциллограф — все это и многое другое создано руками самих школьников.

Сейчас ребята под руководством старших товарищей труятся над новыми исследованиями. У Леони Голденяевой и Аликс Галицкой почти все готово к пуску стелювальной мастерской. Владимир Корюкин сооружает управляемую по радио модель самолета с бензиновым моторчиком. Васья Попов — первую машину Ползунова, Юра Эштейн — прамоточный паровой котел Рамзина. Над созданием действующих моделей трудятся школьники разных возрастов. Дело находится всем.

Большую помощь молодежи оказывает школьное физическое общество, объединяющее учащихся 135-й и 100-й московских школ. Общество существует уже седьмой год. За это время некоторые его члены успели закончить не только школу, но и институт. Однако, поступа в высшие учебные заведения и даже закончив их, они продолжают оставаться членами общества, работают в нем.

Активным членом общества является первый его председатель, а тепер аспирант Института физических проблем Роберт Ариков. В 1947 году он окончил школу с золотой медалью и поступил в МГУ. Но работу в школьном физическом обществе он не бросил и поныне. Каждую среду молодой ученый приходит к своим младшим товарищам. Сейчас он поступает в Высший институт 135-й и 100-й школ — студентом физического факультета МГУ Анатолием Краснухиным и студентами физико-технического института Валентином Виноградовым и Анатолием Дружининым руководит работой радиотехнической лаборатории.

Нынешний председатель общества, аспирант Института физики Академии наук СССР Михаил Док — тоже бывший ученик 135-й школы. Поддерживает постоянную связь со школьниками и преподаватель физики Крымской обсерватории в Крыму Игорь Иванов.

Большую работу в научных обществах ведет аспирантка Института физических проблем Ольга Коврижных, студентка физического факультета МГУ Елена Разумова, Людига Иванова, Елена Пальова. Они помогают в работе над созданием ряда приборов, руководят подготовкой докладов.

Полезным и интересным делом заняты юные физики 135-й и 100-й московских школ. Их труды не пропадают даром. В школах почти нет ребят, не успевающих по физике. И не удивительно, что более шестидесяти бывших учеников уже избрали физик своей основной специальностью.

Ю. БОРИСОВ



Аспирант Роберт Архипов среди школьников, членов Физического общества.

Фото В. Некрасова.

**ИЛЛЮСТРАЦИИ Д. КАРДОВСКОГО  
К КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»**



**Молчали:** Какое лично твое!  
Как я тебя люблю!



**Скалозу:** Довольно счастлив я в товарищах моих,  
Ванясики как раз открыты:  
То старших выключат иные,  
Другие, смотришь, перебиты.



**Чацкий:** ...Виски ей уксусом потри,  
Опрыскай водой. Смотри:  
Свободнее дыхание стало.



**Чацкий:** ...Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,  
Где оскорбленному есть чувству уголок!

*Он не оторван от жизни.  
Как Вильям Шекспир.*

# ДО ВТОРОУ ГЕНИАЛЬНОЙ КОМЕДИИ

(К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ А. С. ГРИБОЕДОВА)

Вот уже второе столетие не сходит с русской сцены «Гора от ума» — гениальная комедия Александра Сергеевича Грибоедова. Давно и прочно вошла в наше сознание ее полнокровные, взятые из самой жизни образы, стали нарицательными ее темы. Многие строки чудесных грибоедовских стихов украсили и обогатили нашу речь. Еще Пушкин предсказывал, что каждый стих «Гора от ума» войдет в пословицу. И это предсказание сбылось в полной мере.

Личность человека, написавшего одну из лучших русских комедий, необычайно своеобразна и привлекательна. Природа сыграла в нем ловкую ипостась и остроумца, пылающее сердце, мужественный склад характера, разностороннюю одаренность. Она надевала его талант поэта, темперамента общественного деятеля, душистого пылающего патриота. Грибоедов, учившийся последовательно на трех факультетах Московского университета, готовившийся стать юристом, он знал целый ряд европейских и восточных языков, в том числе персидский и арабский. Не многие из современников могли сравниться с ним в знании древней и новой истории, филологии, экономических и юридических наук. Он изучал латинские и греческие классики, славянскую поэзию, восточные наместники, не говоря уже о литературе английской и французской. «Совместно читать Шекспира в переводе», — говорил Грибоедов одному из авторов.

Грибоедов был в то же время отличной математиком, выдающийся дипломат и одаренный музыкант. Сочиненные им баллады до сих пор входят в концертные программы. Великий Галики в своих «Записках» называ Грибоедова «очень хорошим музыкантом».

После окончания Отечественной войны 1812 года Грибоедов был захвачен могучим национально-патриотическим подъемом, всколыхнувшим все русское общество. Будущий автор «Гора от ума» оказался в центре того общественного возбуждения, которое царило в Петербурге в годы предшествующие восстанию декабристов. Он вращался в среде передовой петербургской молодежи, близко знала таких людей, как Пушкин, Рылеев, Вестружж, Кюхельбекер, Каховский, Одоевский. Вместе с первым революционером он разделял чувства горячей любви к отечеству, гордости за свой народ, с честью выдержавший тяжелое испытание войны. Вместе с ними он мечтал о свободной жизни и с негодованием осуждал крепостнический строй, обрекавший огромную крестьянскую страну на темноту и невежество, сковывавший силы народа.

Мысль о том, что народ-победитель прямо с поля битвы вернулся под прежнее ярмо, что ему работала, несущей болью отбивалась в сердце Грибоедова. Эта мысль оскотбляла чувство его национальной гордости.

Один из современных писателей рассказывает, что ему доучалась «...видеть человека, который бы так пламенно, так страстно любил свое отечество, как Грибое-

дов любил Россию. Он в полном значении о боялся ее». И недаром много позднее Грибоедов собирался написать патристическую драму, героем которой должен был явиться крепостной крестьянином — участником великой борьбы с наполеоновским нашествием.

Как и Пушкин, Грибоедов близко стоял к кружкам декабристов, был связан с виднейшими деятелями «Северного общества»,

который изображен в комедии, давно стали музейными экспонатами изображенные в ней персонажи старой дворянской Москвы. Но все не старает гениальное произведение русской сатиры, все не тускнеет его краски и образы. Попрелем, сияя в театре, мы напряженно следим за развитием действия — за тем, как нарастает конфликт между Чацким и окружающим его фамусовским обществом,

как колеблется Софья, не умеющая сделать правильный выбор, ибо чувства и инстинкты ее связаны с конной и лживой моралью этого общества. Свирепо расправляется с честными людьми, с прощениемем барин-крепостник Фамусов его поддерживает уродливый содафлон Скалозуб, олицетворяющий арачевскую реакцию; угодливо гнет свою гибкую шишу ничтожный лицемер Молчалин; благодугит и фантазирует уродливый умный, благородный Чацкий — декабрист; гаухие, полубезумные старухи, шипя, передают друг другу сплетни. В этом страшном мире — чувствует себя одиноким умный, благородный Чацкий — декабрист, как назва его Герцен.

Глубоко раскрывшая возвышенный характер своего героя, Грибоедов стремился показать быть порождою и мыслящего человека против враждебной среды, против тех, кто попирает права и достоинства личности. В молодости Чацкого патетично вложил свои мысли о самом главном: о народе, о судьбе своего отечества. Мы с волнением слушаем пылающие речи Чацкого, полные ненависти к рабству, сожигающей любовью к обездоленным и угнетенным, осуждающие пренебрежительное отношение к отечеству, к национальным традициям. Вспомним монолог, в котором Чацкий произносит,

«Что! истребил роды, нечестней тот дух Пустого, рабского, слепого подражания; Что! испру заронил он в мои-ибу! с душой. Кто мог бы сломом и примером Мне удерживать крепкою конвоей. От жалкой тошноты по стороне чужой...

...Воспринем ли когда от чувствозыя мод? Что умный, бойрый наш народ Хотя по языку нас не считал за немцев...

Твердая вера в народ, в его ум и силу противопоставлена в пьесе жалким и ограниченному защитникам мрака, апологетам отживающего крепостного режима. Патристическое воодушевление Чацкого подчеркивает все глубже контраст между новым и старым поколениями, между «воком нынешним» и «воком минувшим». «Горе от ума», по словам Великого, имело великое значение для русской литературы и для русского общества. Комедия, пронизанная основоположными идеями, знаменовала собой торжество реализма в отечественной литературе, свидетельствовала о новых неисчерпаемых возможностях русского литературного языка, подготавливала пути дальнейшего развития драматургии и поэзии.

В последние годы своей недолгой жизни Грибоедов вел дипломатическую работу. Его талант дипломата особенно развернулся во время русско-персидской войны



Портрет А. С. Грибоедова работы художника Н. Н. Краевского. 1875 год.

а может быть, и являлся его часном (так предполагают некоторые советские исследователи). Во всяком случае, хорошо известно, что, находясь на Кавказе, Грибоедов была глубоко потрясен пришедшим из Петербурга известием о разгроме восстания 4 декабря, о гибели его вождя. После этого Грибоедов был арестован, подвергался преследованиям; его подозревали в причастности к движению.

Знаменитая комедия «Горе от ума» по своему идейному содержанию непосредственно отражала взгляды декабристов, и недаром она высоко ценится е, рассматривая как пропагандистский документ и активно распространяли в списках. В глазах декабристов «Горе от ума» являлось как бы обвинительным актом против самодержавия. С ненавистью к утратителям повторяли они, например, горькие слова Чацкого о крепостных актрисах, «распродавших по одиночке».

Связь с передовым общественным движением своего времени сделала грибоедовскую сатиру политически злободневной, определяла силу ее реализма, ее бесмертия. В «Утешении в Арзрум» Пушкин писал: «...Его рукописная комедия «Горе от ума» произвела неопишное действие и вдруг поставила его наряду с первыми нашими поэтами...»

«Горе от ума» — одно из великих произведений классической русской литературы. Давно отошла в прошлое тот уклад

# КТО ЖЕ ВИНОВАТ?

Читатели обсуждают рассказ П. Шебунина «Чья вина», опубликованный в журнале «Смена», №№ 22, 23 за 1953 год

## НАД ЭТИМ НАДО ЗАДУМАТЬСЯ

(1826—1828 годы), которая закончилась абсолютным миром. Для Туркманчайского мира для России был заключен благодаря искусству и усилиям Грибоедова. Когда он привез в Петербург текст договора, то жителей столицы оповестили о его прибытии пугливыми выстрелами. Однако вскоре Грибоедов должен был покинуть столицу: его назначили полномочным представителем в Персию, что, по существу, означало политическую смену; Николай I решил отпраздновать юбилейнеблагонезначимого события, автором которого на руках комедии человека, еще недавно связанного с декабристами.

Грибоедов понимал, что его насильственно удаляют от литературы, от других и единомышленников. Покаяние, добровольно предоступившись, что ему не суждено живым возвратиться из Персии, где политическая обстановка была весьма сложной, чреватой неожиданностями. В качестве он проводил твердый курс, решительно отстаивая интересы России, доблестно уступая в своей стране. Эта политика вызвала ярость в реакционных тегеранских кругах, которые поддерживали агенты английской экспансии на Востоке, весьма стремившиеся к успеху русского владычества. Туркманчайский договор ставила пункты Туркманчайского договора (в частности, добивался немедленного возвращения на родину пленных или попавших в рабство русских солдат и залога, что было крайне невыгодно недоброжелательному правительству, купцов и знати. 11 февраля (по новому стилю) 1829 года разыгралась трагедия. Ослабленная толпа фанатиков, подстрекаемых английскими агентами, окружила русскую миссию в Тегеране и шахна на нее. После отчаянной схватки, в которой Грибоедов вел себя героически, почти все состав миссии был истреблен. Тело писателя было опознано только по руке, некогда простерленной в знак согласия.

Пушкин писал в связи с гибелью Грибоедова: «Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни. Самая смерть, постигшая его посреди великого и первого боя, имела для Грибоедова нечто ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна.

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать это биографий было бы делом для друга Грибоедова, которые давно исчезают у нас, не оставляя по себе следов».

Грибоедов прожил всего тридцать четыре года и не успел развернуть в полной мере всех талантов, какими щедро наградила его природа.

Но и сделанного им оказалось достаточно для того, чтобы навсегда прославился имя драматурга, автора бессмертной комедии «Горе от ума». Великий писал о ней: «...это благородное, великое произведение, энергичнейший (и притом еще первый) протест против глупой расейской действительности...».

В другом месте критик утверждал, что «Горе от ума» есть «явление необыкновенного, произведение таланта сильного, могучего».

Сила грибоедовской комедии — в ее остроте, сатирических характеристиках старого мира, в патристическом возмущении, которым согреты страстные монологи Чацкого в разлуке с обществом, критическом суждении, в чудесном живом языке, слуха который мы не перестаем удивляться его богатству, простоте и выразительности.

Прошло 125 лет со дня смерти Грибоедова. И советские люди с благодарностью вспоминают сегодня имя писателя-патриота, отдавшего все свои силы и свою жизнь родной стране, ее процветанию. Сурово обличая крепостнический строй, сковавший силы народа, писатель на языке правдивого дьявольского осуждения, Грибоедов верил в могущество народной России, он гордился своей родиной и знал, что настает время, когда она сбросит цепи и предстанет перед миром во всем своем величии и славе.

## НАД ЭТИМ НАДО ЗАДУМАТЬСЯ

Один из моих товарищей, П., подобно герою рассказа Юрия, женился на однокласснице О. Ей было восемь лет, ему—девятнадцать лет. Оба они были порядком избалованы родителями, огражденными их от всякого труда. Несмотря на то, что они продолжали и родители на всем готовом, каждый пустак, каждая мелочь раздражали молодое, вызывая ссоры со словами и упреками. Эти столкновения отдавали их друг от друга, охлаждали любовь. А ведь они еще не знали настоящих трудностей. Что же будет с ними дальше? Вряд ли они выдержат жизненные испытания. И здесь тоже, как и в рассказе П. Шебунина, можно спросить: «Чья вина?»

Кто виноват в том, что семейная жизнь Веры и Юрия полнота? Большая часть вины в таких случаях, по-моему, приходится на родителей. Именно они, желая создать своим детям все условия для радости и счастливой жизни и не умея понять, как и на что способны и неразумную любовь...»

Однако не следует в трагедии неудавшейся семьи винить только родителей Веры. Они любят ее, дорожат над ней и по-своему правы, не доверяя до конца Юрию, не принимая его всерьез. Ведь он настолько же легкомыслен и безволен, как и Вера.

«Что дальше будет с Юрием и Верой? Я думаю, что крепкой семье создать они не сумеют. Для этого надо уметь бороться за свое счастье, а они не способны на какие-либо серьезные, активные поступки.

Многие из известных мне юношей и девушек на их месте поступили бы иначе. Мне вспоминается один случай.

Владимир и Нина познакомились еще студентами. Вскоре, убедившись, что любят друг друга, поженились, хотя не имели самостоятельных средств к существованию. К тому же поучилось так, что после окончания университета сразу пришлось устроиться на работу. Он, как заочник, получил на руки диплом без назначения. Она не прошла по конкурсу в консерваторию и вынуждена была вернуться к матери, в Крым. Владимир готов был ехать в любое место, но хотел заручиться согласием Нины. Тогда в дело вмешалась мать Нины. Она нависала молодому зятю письмом, в котором требовала, чтобы тот устранился на работу только в Москву, так как другой кивнул ввердил здоровью ее дочери. Владимир писал Нине, угрожая мать отпустить ее. Но та всякими правдами и неправдами сопротивлялась отъезду дочери, не давала ей денег для поездки к мужу, устраивала скандалы. Однако Нина оказалась более решительной, чем Вера, и после долгой борьбы она все же настояла на своем и уехала с мужем на Дальний Восток.

Павел Шебунин своим рассказом заставлял нас еще раз задуматься над всеми этими серьезными вопросами. Но кто же бы знал, какими взглядами придерживается сам автор, так как его позиция в рассказе не вполне ясна и на вопрос, поставленный в заглавии рассказа «Чья вина?», он не отвечает.

Ф. НОДЕЛЬ,  
студент Московского государственного педагогического института имени Потемкина.

## УТРАЧЕННОЕ СЧАСТЬЕ

...Вера говорит громкие фразы, вроде: «Выпьем за любовь, не боюся никаких трудностей! За нашу любовь, которая никогда не угаснет. И, наверное, чувствуешь себя героиней, потому что на самом деле Петербургская жизнь испугала ее, уничтожила уверенность в своих силах. Ей стало жаль своей безрасудно упущенной юности. И так же легко, как поднимала бокал за вечную любовь, она говорит: «Юрий, ты не хочешь расстаться со мной. Ведь все равно я тебе не жена. Не получилось у

нас семьи, Юрья! Это — ужее полное отступление. Она лишила счастья себя, лишила счастья мужа, ребенка ради удовольствия, к которому она привыкла с детства...»

Л. КОЗЛОВ,  
студент Тульского механического института.

## ИМ ТОВАРИЩИ НЕ ПОМОГЛИ

...Вместе с нами учатся наши друзья, такие же молодые и неопытные, как Юра и Вера. Им тоже приходится сталкиваться с большими трудностями. Но когда крепко и горячо любишь, все эти трудности не только не разбивают семью, а наоборот, делают любовь еще крепче, семью еще прочнее. Вот, например, Вера и Женя Г. Они попилились, когда им было приблизительно столько же лет, как и героям рассказа «Чья вина?». Родители не в состоянии им помочь. У Веры и Женя есть ребенок, жить им не легче, чем Вере и Юре, но оба они успешно учатся, семья их крепнет.

Мы привыкли к тому, что студенты живут одной дружной семьей, и нас поражает неприятное равнодушие к Вере и Юре со стороны одноклассников. Почему они ограничили молчаливым осуждением поведение Веры?

Ирина ГАВРИЛОВА,  
Лев ВЕРШИНН,  
студенты Ленинградского государственного университета.

## КОРИЙ ОШИБСЯ

...Чем же восхищался Юрий? Ведь не только чудесные глаза Веры, ее изящный облик, бойкость и «находчивость» так привлекали его. Были и другие человеческие качества, которые привлекают к человеку.

Каждый из нас хочет быть счастливым, а для этого нужно очень многое. Мало быть влюбленным. Надо, чтобы человек, которого любишь, был другом, товарищем, имел с тобой общие интересы, способен был понять твои стремления и цели, способен радоваться и грустить вместе с тобой. А разве можно сказать, что Вера и Юрия связывала настоящая, крепкая дружба?

Дядя и любил ли Вера Юрия? Мне кажется, нет. Так неудебно звучат ее слова: «Надо что-то решать». Все ее доводы: «Тебе не столько времени учиться», «Тебя пошлют на край света» — говорят о ее страхе перед трудностями, о желании легко и удобно прожить жизнь за счет отца и матери.

Юрий ошибся, и его судьба многоруко...»

Л. СОБОЛЕВА,  
студентка Горьковского государственного университета.

## ТАК ПОСТУПАЮТ ОБЫВАТЕЛИ

...Вызоваты родители Веры, люди, имеющие немалый жизненный опыт, материально хорошо обеспеченные. Они не интересовались внутренним миром своей дочери, не знали ее истинных уклонений. Вместо того чтобы помочь и подбодрить создателя настоящую семью, она завалила дочь улит от мужа. Родители Веры по-обывательски полагают, что их дочь найдает счастье только в браке со знаменитым человеком.

Вызоваты и сами Юрий и Вера. Нельзя вторично решать серьезный жизненный вопрос.

Рассказ заставляет задуматься над многими. И очень бы хотелось, чтобы Юрий и Вера стали бы выслушивать советы и замечания родителей, чтобы никто не омрачал детства маленького Пети, чтобы он рос в хорошей, дружной семье...»

Вл. БАСЕНКО,  
ученик 10-го класса «В»  
869-й школы г. Москвы.



# ШКОЛАХ АНГЛИИ

В этот день девятилетняя английская школьница Бесси

Смит опоздала не пошла в школу. С тех пор, как ее отец и мать потеряли работу, Бесси все чаще и чаще стала пропускать занятия. Вот уже третий день подряд Бесси сидит дома в нетопленной, холодной комнате, кутаясь в старейшее и с тревогой поглядывая на свои дырявые башмаки, готовые сосем развалиться. Девочка не может жить в такой обвухи в школу, а родители не в состоянии купить ей новые башмаки.

В современной Англии в подобном положении находится огромное количество детей школьного возраста. Однако и тем детям, которые регулярно ходят в школу, приходится учиться в таких условиях, которые явно препятствуют успешному и правильному усвоению знаний.

Одна английская учительница рассказывает на страницах газеты «Дейли Уоркер», что в ее классе было шестьдесят человек. За каждой партой сидят по три-четыре школьника. Другая учительница рассказывает, что у нее по списку в классе значится 56 учеников, но в классной комнате могут поместиться только 45 остальных дети вынуждены слушать объяснения урока, стоя в коридоре, у двери.

В Англии около 46 процентов всех школьников вынуждены заниматься в переполненных классах. Однако это обстоятельство не волнует правительство, которое развинуло народное образование предпочитает гонку вооружений, постройке самолетов, строительство казарм, аэродромов и военных складов. В 1953 году ассигнования на строительство школ были сокращены еще на 1,26 миллиона фунтов стерлингов.

Значительная часть школьных зданий находится в неудовлетворительном состоянии. В стране имеется немало школ, построенных еще в прошлом веке. В городе Уинстеде (Эссекс) дети учатся в школе, построенной еще в 1700 году. По сведениям, опубликованным Национальным советом учителей, в Англии продолжается эксплуатация 595 зданий, совершенно не пригодных для занятий. Из-за недостатка школьных зданий многие дети занимаются в пустующих складах, подвалах, черновых залах.

В одной из резолюций Национального союза учителей говорится, что в большинстве английских школ в зимнее время бывает очень холодно. В этой же резолюции отмечалось, что ученики во многих школах вынуждены во время занятий стоять или сидеть на полу.

В октябре прошлого года специальная комиссия обследовала одну из школ в городе Милтон-Эрнст (Берфордшир). Газетам в конце месяца представлено поразившее здание с выбитыми стеклами и рамами, сломанными дверями и партами. В каждом классе в момент обследования занимались около шестидесяти детей. Один из учителей заявил членам комиссии, что если бы учителями и

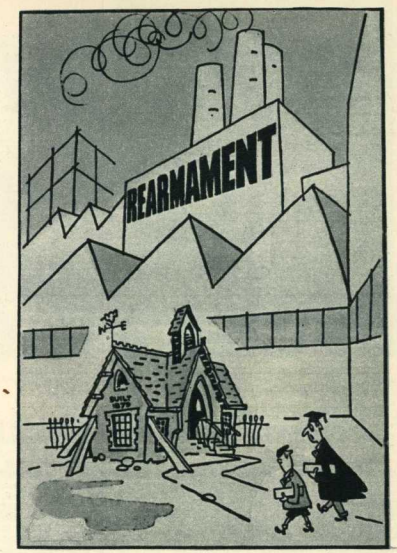
школьникам была предоставлена возможность ходить по школе первым попавшимся... кабак (!), то они немедленно воспользовались бы этой возможностью.

В особенно тяжелых условиях в Англии учатся школьники сельских местностей. 1 400 сельских школ выносятся в таком же состоянии, в каком они были полвека назад. После повышения в марте прошлого года цен на продукты питания более половины всех школьников Англии были вынуждены отказываться от обедов и завтраков в школе.

Школьная воспитательная система в современной Англии переживает настоящий кризис. Прогрессивные учителя, несущие детям правду об окружающей действительности, правду о Советском Союзе и странах народной демократии, подвергаются жестким гонениям и преследованиям. В большинстве школ детям преподносится антисоветская клевета.

Среди английских школьников широко распространены американские «комиксы» и прочие низкопробные тиволы. Англия буквально наводнена гнилой продукцией Голливуда, проносящейся гитлеровскими десантами, наркоманов. Все это пагубно влияет на неуравновешенный детский характер. Одна родительница заявила в совете учителей, что многие английские дети воспитываются на американских «комиксах» и кинофильмах. В 1952 году 45 тысяч детей школьного возраста представили перед судом за совершенные ими преступления.

Прогрессивная общественность Англии решительно протестует против политики правительства в отношении такого воспитания молодежи.



Эта карикатура взята из газеты «Дейли Уоркер». Художник изобразил полуразвалившееся здание школы, за которым высится огромный здания с надписью «Вооружение». Вот куда идет лыжная дружка солдат.

ного модернизировать ее. И вот на сцене одного из Нью-Йоркских театров появляется «Вильгельм Телль» по-американски.

Для постановки не важно, что это циничное шоу ничего не оставило, не важно, что этот пошлый фарс сопровождается ревом «буль-буль», не важно, что искусство осуждено и растоптано. Зато нормам предпринимательского дельца полны занесения вырвет хорошо платят за зрелищный первый момент, когда фехтовальщик разрубает яблоко, лежащее на губе у девочки.

Этот фарс — один из тысячи ему подобных. «Искусство — хороший

ведельные требования находят горячую поддержку со стороны Английской коммунистической партии, которая ведет активную борьбу за демократические права английского народа, за фактическое право английской молодежи на образование.

А. БРОВЧЕНКОВ

## Искусство толстых

— Двойной молочник в костюме опереточного гусара заманивает саблей на неизвестно изогнувшегося зрителя, готового убежать. Все эта сцена весьма напоминает убийство аттракционами знаменитого бродячего цирка конца прошлого века.

Но это не цирк. То, что изображено на сцене, помещенное в журнале «Юнайтед Стрейтс ин Ворлд Уид Вью», происходит в наши дни в крупнейшем городе Соединенных Штатов — Нью-Йорке. Это нелепая сценка — эпизод из новой американской оперы «Вильгельм Телль», которую представляют собой переобработанные, новыми словами, изуродованные, неуравновешенные, драму Шиллера. Это же автор этой с позволения сказать «драматической пьесы»! Он бывший преподаватель фехтования в одном из американских колледжей. Попавший в Нью-Йорк в роли тиней Шиллера натолкнулся уже на мысль, что успех нелепого колледжа можно сделать бизнес. Нужно только

модернизировать ее. И вот на сцене одного из Нью-Йоркских театров появляется «Вильгельм Телль» по-американски.

Для постановки не важно, что это циничное шоу ничего не оставило, не важно, что этот пошлый фарс сопровождается ревом «буль-буль», не важно, что искусство осуждено и растоптано. Зато нормам предпринимательского дельца полны занесения вырвет хорошо платят за зрелищный первый момент, когда фехтовальщик разрубает яблоко, лежащее на губе у девочки.

Этот фарс — один из тысячи ему подобных. «Искусство — хороший

бизнес» — говорит дельца и, следуя этому шаблону, пытаются на все возможные ухищрения, чтобы наполнить свои кошельки. И вот появляются всевозможные инсценировки, «бейбобальные оперы», «оперывишкет для детей» и т. д.

Недавно в Нью-Йорке состоялся премьерный вечер некто Вильяма Шумана, директора музыкального колледжа. В афише значилось: «Вонь мочить». Бейбобальная опера. Предпринятый коммютер-бизнесмен вознамерился убить славу двух записей. Посетители опыты получили возможность одновременно посмотреть на сцене бейбобальную мать и послушать музыку. Правда, музыкант совсем не было слышно ее заглушила гонимый и смелый бейбобальщик, подражающий автору бейбобальности. Чтобы обеспечить успех представления, автор приписал почти на все доли профессональных спонсоров бейбобальности. Опера Шумана имела несомненный успех — писали мертвые — Бритенды выслушали пари; к концу действия атмосфера накалилась настолько, что пришлось вызвать парад полицияшес. Теперь эта бейбобальная опера, или концерт, лучше сказать, оперетта бейбобальности одним из «бюбонеров» на Бродвее.

Профанация и осквернение искусства — одна из сторон «американского образа жизни». Американские империалисты стремятся уничтожить подлинное искусство, выместить его свой собственное «искусство толстых».



Фото Л. Корovina.

## САМЫЕ МОЛОДЫЕ

Теперь уже никто не сомневается, что советские конькобежцы сильнейшие в мире. Недавно в Саппоро (Япония) они вновь подтвердили свое превосходство. Ленинградец Борис Шапков стал чемпионом мира. Серебряные и бронзовые медали завоевали также советские спортсмены. Наша молодежь вновь оказалась сильнее прославленных зарубежных спортсменов. В этих успехах немалая заслуга самого молодого заслуженного мастера спорта Олега Гончаренко и самой молодой чемпионки мира Халиды Шегозовой, результаты которых немало удивили спортивный мир.

Прошлой зимой девятнадцатилетняя москвичка и рослый, крепкий юноша из Харькова, которому пришлось двадцать первый год, на катках Финляндии и Норвегии завоевали золотые медали чемпионов мира по конькам.

В этом году на первенстве мира Олег Гончаренко вновь подтвердил, что он один из сильнейших конькобежцев. Он завоевал серебряную медаль, проиграв только победителю — советскому конькобежцу Борису Шапкову — немногим больше пол-очка.

...Голубые лучи прожекторов лежат на блестящем льду яркими пятнами. Два спортсмена вьются, низко пригнувшись. Это заслуженный мастер спорта Олег Гончаренко и норвежский конькобежец Ровальд Аас.

Конькобежцы идут последний, двадцать пятый, круг самой длинной дистанции многоборья.

Бурный финиш. К Гончаренко подбегает Аас и пожимает руку победителю. В результате его шумно поздравляют товарищи. Он радостно благодарит их. И если бы не несколько крупных капель пота на лбу, то, пожалуй, трудно было бы поверить, что Олег только что пробежал в высоком темпе десять тысяч метров.

Спортсмен снимает коньки и первым делом забавливо приводит их в порядок. Это коньки дороги ему. На вид они ничем не отличаются от других: обычные беговые коньки. Но они напоминают ему пер-

вый крупный спортивный успех. Их подарил Олегу в памятный день, когда он завоевал звание чемпиона Украины среди юношей. Можно сказать, что увлечение конькобежным спортом в семье Гончаренко стало традицией. И Олег с детских лет полюбил коньки. Не было для него более увлекательного занятия, чем после уроков в школе, а потом в Харьковском пожарно-техническом училище идти на каток и, чуть пригнув глаза от сексующего восторга, мчаться по ледной дорожке.

Увлечение конькобежным спортом несколько не мешало ему учиться. В 1962 году он завоевал звание мастера спорта и олимпийского чемпиона. И следующий год Олег ознаменовал не только спортивными достижениями. Он успешно выдержал экзамены в педагогический институт.

Олег любит стихи, и прошлой зимой ему довелось однажды прочитать такие строки:

Тогда перед полносной зимой,  
Восемь оледеневших месяцев,  
Ты победила, столько силы  
Победе этой дал народ!

Эти простые, идущие от сердца строки написаны чемпионкой мира по конькам Халидой Шегозовой. У двадцатилетней советской спортсменки широкий круг интересов. Девушка из татарской деревни не только прекрасно бежит на коньках. Она пишет стихи, увлекается рисованием.

Больше всего Халида любит рисовать спортсменов. А это не легко. Здесь особенно нужны терпение, глаза, умение быстро схватывать и запоминать едва приметные характерные черточки. И надо сказать, это ей почти всегда удается.

Сейчас двадцатилетняя спортсменка учится в десятом классе школы рабочей молодежи. А недавно Халида установила сразу три мировых рекорда. Улучшив время рекордов на дистанции 1000 и 3000 метров, она добилась рекордной суммы очков по четырём дистанциям — 203, 323 очка.

Н. РАЗИН

Плющиха, 59. Над входом, в полукруге арки, серебристые буквы: «Центральный стадион ДСО «Красное знамя». И сразу за входом — каток. А рядом с ледяным полем высится новый светлый павильон. Зимнее слышится всплески воды.

Холодное змеёе солнце заглянуло в окно и щедро раскидало по кафельным стенам, по воде ярче блики. В бассейне заминаяются гребцы. Гребок. Еще один... пять... десять... Двадцать пять энергичных ударов веслами — и условный километр остался позади.

на плаву и благодаря полужесткому креплению к неподвижному каркасу-стойкам при работе веслами несколько движется. Все это приближает тренировки к условиям летних занятий на открытой воде.

Когда на ступицу опускаются сумерки, в павильон, пронизывая воду искрами света, вспыхивают пять лосей. Среди занимающихся — заслуженные мастера спорта И. Рогович, С. Фролова. А вот пришли молодые чемпионы страны, победительницы IV Всесоюзных студенческих игр З. Трифонова и Н. Васнец.



Мастера спорта Зоя Трифонова и Надежда Васнец в новом бассейне. Фото В. Грачева.

...В одном из помещений стадиона недавно встроили зимний гребной бассейн. Он удобен прежде всего тем, что в нем могут тренироваться гребцы на различных подкатах: парной и распашной академически, каноэ, байдарки. Такого зимнего бассейна не было у столичных гребцов.

Лодка закрепляется при помощи специальных кронштейнов-амортизаторов в середине резервуара. Она все время находится

Девушки рассказывают, что тренировки в бассейне требуют большого физического напряжения, чем занятия на открытой воде. Здесь нет течения, и вода, посылаясь веслами, ударяясь о стены резервуара и возвращаясь обратно, тормозит каждый следующий гребок.

Но это даже к лучшему! — заканчивает она —  
— Отчего же?  
— Тяжело в учении — легко будет в спортивном бою!

К. ЮРИН

## ЛЫЖНИКИ КАРЕЛИИ



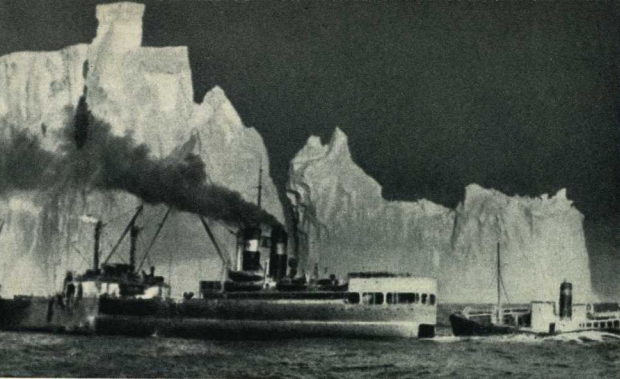
Вик Маллинен на тренировке.

Фото И. Кишкю.

От берегов Белого моря до Ладожского озера протинулась Карело-финская ССР. Необразимые массивы леса. Множество застывших поперек рек и озер, на севере полярные снеготы отроги Хибинских гор.

Зима в этих краях длинная, чистая, лето, и не случайно поэтому в Карелии очень любят лыжные спорты. За последние годы в республике выросло немало хороших спортсменов-лыжников. И на склонах холма, который высится над Петрозаводском и в давнем городе Йоуки — всецело можно встретить юношей и девушек, идущих на лыжах.

В Карельском районе волондены хорошо знают холмистую сельхозартели имени С. М. Иврова комсомолку Вику Маллинен. Девушка с детства увлекается лыжами. Это позволило ей стать одной из лучших спортсменок республики, завоевать звание чемпионки среди сельских лыжников.



В районе промысла флотилия «Слава» встретила большое скопление айсбергов.

# На необитаемых островах

В. КАЗАКОВ

Автор этих записок — полярник-гариуэра ютубой-ца, участник нескольких походов китобойной флотилии «Слава» в Антарктику.

1

Прямо по курсу на океана торчала большая кубообразная гора с широким, как бы срезынным кратером. На южной и северной сторонах кратера возвышались два пика высотой около тысячи метров.

Таким предстал перед нами остров Буве — единственный надводный след опустившейся гряды гор, когда-то, очень давно, соединившей Африку с Антарктидой.

Китобоец «Слава-7» осторожно продвигался вдоль скалистых, обрывистых берегов в поисках удобного места для спуска шлюпки. Перед нами стояла задача сообразить на побережье острова образцы морской растительности, выбрать удобный прибор, и поймать пингвинов для уюлка Дурова в Москве.

Крутом суровые, причудливой формы утесы. С одного сползает в океан бутылочно-зеленый ледник с искореженным, помоланым краем. Северная часть острова возвышенна, южная — сравнительно низкая; у берега она переходит в террасу. Остров окружают стамухи — ставшие на мель айсберги. В сентябре — октябре сюда подхлещет сплошной лед. В начале южнополярного лета лед уходит, оставив у острова часть айсбергов.

Мы шли мимо многочисленных мысов. Вот юго-восточный — Силь, заканчивающийся высокой сопкой. Потом обходим мыс Метеор — восточную оконечность острова, тянущуюся далеко в океан и образующую гряду подводных рифов. А вот и мыс Сироксион — северозападная часть острова. Первооткрыватель острова француз Буве де Лозье привал остров за часть размываемого им «жюного материка» и нанес на карту под именем мыса Сироксион. Координаты

были определены Буве не точно. Поэтому многие мореплаватели впоследствии безуспешно искали мыс. И лишь в 1808 году Лидсей нашел мыс, оставшийся свыше семидесяти лет географической загадкой, определил, что перед ним остров, и назвал его именем Буве.

Подводные камни — а их множество вокруг острова — не нанесены на карты, и капитан Дарва не спешил подходить к берегу. С надувы остров хорошо виден. Только в отдельных местах склоны утесов и сопки покрыты серым ковром иха. Много пингвинов. Они забравшись по земле и с любопытством смотрели на нас. Вода около острова прозрачная. Взгляд проникает на глубину до пятидцати метров.

Наконец выбрано подходящее место. Несмотря на сильную зыбь, спустился шлюпку. В нее села группа моряков. Метрах в пяти-

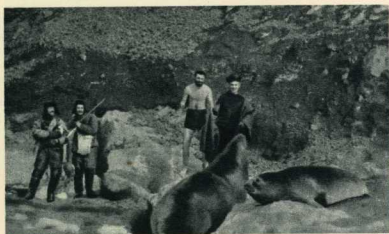
десяти от берега бросили маленький якорь на длинном конце. Он применяется для того, чтобы при большом накате шлюпка не выбрасывало на берег. Когда до берега оставалось два—три метра и очередная волна схлынула с него, я выпрыгнул из шлюпки, держа в руках длинный тонкий колен. Бегом, спасаясь от идущей на берег волны, выбрался на сухое место и закрепил колен за камень. Шлюпка получила относительно устойчивое положение, и все быстро высиделись на берег, кто по колену, кто по гряде в воде. Не повезло только штурману Инцкирвели. Накатившая волна накрыла его с



Ветер начинает кричать...

головой, опрокинула, намереваясь утащить в океан. Но штурман сильным рывком выбрался на берег. Он промок до нитки и, чтобы не замерзнуть, разделся и начал бегать по берегу. Это была незабываемая картина — человек в трусиках, бегущий вдоль стены ледника среди морских слонов, которых мы увидели сразу, как только ступили на землю.

Слоны нежались под лучами солнца. Неугадали, они не обращали на нас никакого внимания, и мы их внимательно рассмотрели. Слоны лежали группами. В одной их было пятеро, в другой — четверо, в остальных двух — по три. Легко было определить, кто это семьи. Каждую возглавлял самец, выделявшийся своими размерами — длиной до пяти метров — и вытянутым носом-хоботом. У самки хобота нет. Среди нас возник спор о длине хобота. Мы разрешили его просто: полоши и измерили. Слоны не протестовали. Только хоботы от прикосновения шевелились. Длина их оказалась до со-



Морские слоны ныряли на солнце.

рока сантиметров. Морские слоны, особенно самки и детеныш, очень похожи на тюленей. Отличаются они от тюленей только значительно большими размерами.

В плу мы решили было забрать с собой одного слона. Окружив сравнительно неглубокое море, мы начали тащить его к воде, намеваясь поругнуть в шлопку. Сначала животное, подталкиваемое нами, прыгало и отрывало, само проползло метра два. Затем слон начал вырываться, выворачивая свое неуклюжее, дряблое от жира тело. Затем он снова успокоился, чувствуя, что выведет откуда вылезшим дулом существом вряд ли удастся похищение. Иногда слон издавал короткие мычанье звуки.

Но диня берега оставалось еще метра три, когда мы одумались. Какой смысл мучиться, если зыбь все равно не позволит подвести шлопку вплотную к берегу? Да и как еще поведет себя шлопка, когда в нее заландит туша весом около трех тонн? Пришлось оставить мысль привести на Родину это редчайшее животное.

Недалеке, наблюдая за нашей попыткой похитить морского слона, сидела на карнизе террасы группа белоглазых пингвинов. Некоторые из них подыгали за нас. Нашей медленной экспедиции пришлось вернуться на судно.

Мы вновь пошли вдоль побережья. На берегу, куда мы вылезли, пингвины в большом числе были видны их раскрытые клювы, очевидно, птицы готогали, прожывая нас. Но мы не собирались уходить. Надо было довести начатое дело до конца.

За одним из мысов, на юго-западной оконечности острова, оказалась небольшая, удобная бухточка, в которой не было большого количества слонов. Снова спустился шлопка. Подойдя ближе к берегу, мы заметили глот. Из него, словно из трубы, вылет дым. У всех сложилась мысль: «Вот тебе и необитаемый остров! Неужели здесь живут люди?» Но еще несколько вымахов весла, и недоумение рассеялось. Из глоты валил не дым, а густой пар. Мы увидели вытекающий из недр горы горячий источник, впадающий в море. Позже, роясь в лоции Антарктики, мы так и не нашли никаких указаний на существование горячего источника на острове Буве.

Сразу у берега возвышалась скала из потрескавшегося красного гранита, похожая формой на

сахарную голову. В отличие от других возвышенностей острова на ней не было снега. Слопцы скалы кристальные, почти отбесные. В то же время на этих крутых склонах росы снег сабодного места: крутом тесисе, десятки тысяч пингвинов. Как они могли забраться на такую крутизну, уму непостижимо.

Множество пингвинов, не уместившихся на скале, сидело на берегу. Мы начали лодку. Делается это очень просто: подходишь к любой птице и хватаешь ее за шею, чтобы она не покосила ружья откуп клювом, и сажаешь в мешок.



Нашему четвероногому другу рыбки заготовили...

За короткое время мы сообщила наловив двести тридцать пингвинов.

В это время капитан Зарва, страстный рыбак, организовал рыбную лодку. Рыба шла замечательно. Только опустить ясену, как ее уже ружжо поднимать с трещущими на крочках рыбными. Сначала попадались никогда не виданные, странные рыбы, длиной до полуметра, с прозрачным, словно складным тловидцем и непомерно большим ртом. Затем начали клевать рыбы поменьше, типа бычков, похоже на керчевских «крутильков». Окраска их зеленоватая, с пятнами.

За короткое время было наловлено столько рыбы, что пришлось опорожнить для нее две бочки.

Капитан Зарва вызвал к радиотелефону капитан-директора флотилии «Слава» Соляника. Доложил:

— Набралось столько экспоната, что хватит не только для музея, а и на уху для экипажа.

— Положите с ухой. Откуда вы знаете, не явится ли рыба?

— Так это бычки, товарищ капитан-директор. Только не черноморские, а антарктические.

— Посоветуйтесь со специалистами на «Славе-15».

Китобои «Слава-15», на котором находилась научная группа, к этому времени привели к нам в бухту. Мы перебрались на несколько рыбешек, которых наш повар уже успел поджарить. Прошло несколько минут. Капитан Зарва крикнул: «Метайте!»

— Товарищи, дайте заключение: можно ли есть этих бычков?

— А мы вам пришлите еще несколько штук, очень вкусно...

2

Вот уже несколько дней мы пересекли «резувие сорокорево» полюсу южных широтам в ураганом, находящемся между сорокоревой и пятидесятой параллелями Южного полушария. В век парусного флота успешный переход через «резувие сорокорево» считался чудом.

Но мы не впервые приходилось быть здесь. Но на этот раз «резувие сорокорево» встретили нас не штормом, а настоящим ураганом. Волны достигали высоты штормовской рубки флагама, а это больше пятидесяти метров. Наши маленькие суденышки швыряло, как щепки. Некоторые китобои получили повреждения — разбилось шлопка, продуктышки ашки, находившиеся на бодежной палубе. К тому же у китобоев на якорде было горючее. Поэтому командование приняло решение несколько свернуть с курса, подойти к острову Гау и под его прикрытием провезти бункерку китобоев.

Остров Гау расположен в 236 милях к юго-востоку от группы островов Тристан-да-Акунья. С океана он выглядит высоким скалистым базальтовым массивом. Горючее солнце, ветры, ливни немало потрудились над ним. На фоне яркиснежного неба резко выделялись краснобразных форм пик, зубцы.

Когда мы подошли к острову ближе, то увидели, что его берега сплошь заросли высоким лиственным лесом, пыльными кустарниками. С высоких скал, переливаясь на солнце всеми цветами радуги, низвергались водопады.

Нелегко далась нам высадка на остров. Крутом бурном — признаки подводных камней. Но тоска по твердой земле, интерес к необитаемому острову заставляли нас преобрести всеми трудностями.

На берегу небольшого залива

мы обнаружили обломки погибшего корабля. На гранитной скале были высечены название корабля и дата. Но надпись стерлась. Единственно, что удалось разобрать, — это отдельные английские буквы, оставшиеся от названия, и неполную дату: «188... год. Рядом — пещера, в которой обнаружены для исторических кораблекрушения. В густой траве, покрывшей пол пещеры, являются истлевшие куски досок, ржавое железо. Никто из нас не предпринял попыток оставить стобы не нарушить покой погибших моряков.

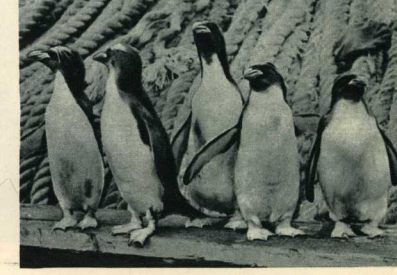
В глубине острова, на берегу ручья, стояли явственно в песок, затопленные ветром остатки хижины. По целому ряду признаков мы пришли к выводу, что эта хижина когда-то, лет десяти назад, служила пристанищем для зверобоев. Надо полагать, что хижины облюбовали охотники за морскими слонами.

Во время прогулки по острову нас особенно поразили огромный морской слон, которого мы нашли довольно далеко от берега, на вершине холма высотой метров сорок. Справедливо, оказывается, утверждения натуралистов о способности морских слонов заходить далеко сушу. Когда мы потренировали слона, он хоть медленно, но все же спустился к берегу и нырнул в воду.

На острове гнездились десятки различных пород птиц: капские голуби, минаторные катурки, зяблики, большие голубиши, буревестники. Но больше всего здесь оказались сохлякты пингвинов. Они заполняли все площадки на прибрежных утесах, галечные пляжи на берегу. Пингвины резко выделялись длинными жесткими перьями на головах, белыми бровками, аспидно-черными крыльями, отороченными белой каймой, красными клювами. Само собой разумеется, что мы не упустили возможности сделать несколько мешков этих птиц, благополучно доставленных впоследствии в Одессу и оттуда на самолет в Москву.

Интересное приобретение сделала группа моряков, высадившаяся с китобоя. Среди омываемых прибором камней моряки заметили несколько молодых тюленят. С большим трудом тюленята были окружены. Один из них попал в руки охотников. Он оказался жомноморским котиком, очень редким сейчас животным.

Стоква оскочена. Пора возвращаться на корабль.



Эти пингвины с острова Гау доставлены в уголок Дурова.

## Три встречи — три победы

В морозное воскресенье, девятого февраля 1897 года, просторный зал зимнего манежа, что на Мухомой улице, был переполнен. На судейской трибуне то было людно. Все ждали появления гостей — французских спортсменов, прибывших по приглашению известного Московским клубом велосипедистов — Едуги — принослось наконец по рядам.

И точно: из дальнего угла, где помещались кабины участников, на досчатую дорожку выкатили гошки.

Группу возглавляли гости. Их было трое. Один — высокий, богатырский сложения, в зеленого горючонном костюме и неополитанской шапочке. Это Фурье, о нем почему-то особенно много писали газе-

Первой по жребию стартовала пара Фурье — Киркальди. Дистанция — сотворца версты. Пошел гонку. Фурье. Москвич следует сади и зорко сторожит соперника: прибавит Фурье ходу, и Киркальди увеличит скорость. Так гошки прокладат два, три, четыре круга. Развязка наступлет неожиданно. Улучил момент, Киркальди деллет стремительный рывок и вырвет мчится к финишу. Фурье пытается догнать москвича, но напрасно. Киркальди первым пронесется мимо судейской трибуны.

Очередь сильнейшей пары: Бутулкин — Буле. Исход предыдущей гонки заставил француза настрожиться. Он явно обеспокоен, но и дело приглаживает свои волосы: каштановые волосы. Волнуется и Бутулкин, но держится молодцом. Он не спеша подходит к велоседу, локо вскакивает в седло.

В притихшем зале гулко раздается выстрел.

Со старта вперед вырывается Бутулкин. Он сразу предлагает высокой темп. Но Буле не сдается. Непомыслимым усилием он обходит Бутулкина и лидирует весь четвертый круг. Однако зрители не подводят. У Бутулкина прекрасная финишная бросок. И действительнo, за круг до конца дистанции он начинает финишировать. Такая скорость явно не по силам Буле. Француз видит, что ему не уплатится за русским, и сходит с трека.

В третьей паре москвич Левкович обходит на последней прямой Дерюхову.

Итак, три встречи — три победы.

А спустя месяца после этого соревнования московские велосипедисты наносят поражение известным итальянским гошкам Эроси и Ландранки.

Многo блистательных спортивных побед одержали русские мастера колес: Михаил Дьяков, Алексей Бутулкин, Григорий Ваняев, Сергей Уточкин.

Б. ИСАЕВ

Юрий МЯЧИН

## ПРАВА И НАВЯТЫ

Басня

В семье павлиньей вырастали Паву...  
Весь птичий двор признал:  
Павлиньи перья — не халюха.  
И красотой и кротким нравом  
Решения Пава Петуза.  
Решила Петуз: «Там вот она!» —  
И сделал Паву предложемие.  
Как гором в ясный день,  
Ее родия столь дерзостным  
решением:

О том не может быть и речи.  
Петуз твой молод, пава!  
С нимжно невинном,  
К тому нн... плохо обесчечен.

«Простой Петуз,  
бе степенн и заняний.»  
«Да как он смеет», — вскричал  
Павлин, —  
Забуть про мой социальный чинт!



Такому хамству  
Забуть, что Ворон — мой нагрозн  
С Орлом прямой инею телефон.  
Уж коли заимч днча захотела,  
Найдем ей сотню невиннок  
Понимае всяк Петузок:  
За этой мелючю не станет дело  
Да зять, зота бы Индоня:  
Чече не немнэт! Совмедн, ствен,  
На трех болтаст языкхам  
И в дамском обостиче приятнй  
Имрод, спеснорик, староват,  
Зато мастит, зото в почете  
И на ответственной работе.  
Не зить, а просто судий коад.  
Но мнть с канннннть Петухой!

Воскнннет критичн: «Нетичничко!  
Где вы нашли такие нравы?»  
Вчера я был  
в одной семье причинной  
На свадьбе Индоня и Пава.  
К. Свердловск.



А. Бутулкин.

ты. Немного сади ехали Буле — молодой, плотный гошкин в коричневой куртке, и Дерюхов — лыжников, с пышными усами.

Кто же победит? У кого будет быстрый ход?

— Ча дерюхов уиням, чей ход быстрее, — скалал, отечая наладьям репортерам, лучший гошкин Москвы, чемпион России Алексей Бутулкин; это ему вместе с москвичами Левковичем и Киркальди предстоило встретиться на треке с французами.

Как счастье ж. Лишь тем, что

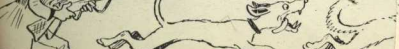


Второе: любое астрономическое число по сравнению с подлинными числами гигантским, известная науке, является ничтожьем. Приведем несколько примеров. Завидно условимся, что будем записывать большие числа, используем «показатель степени» (тотчас будет обозначать количество нулей в данном числе). Начав записывать огромные числа, с которыми мы делаем столкновения, невольно кри:

Во-первых, изрядности одно из астрономических огромных чисел. «Известный математик Архимед (III век до нашей эры) изумился показать, что для любого количества звезд в нашей Вселенной было бы возможно найти соответствующее число. В своем сочинении «Полемит, или астрономический песнь в пространство, равном шару неподвижных звезд» он сделал такой подсчет: если бы все количество звезд в нашей Вселенной было бы подобно тому, сколько бы в ней было песчинок.

СТРЕКОЗА НА ЭКЗ

«До чего ль, голубчик, об В янголах вырвал на Песни, развест влейт! Там, что голову вскружо (Стрекоза и Му»



## Число-рекордсмен

«Можете ли вы назвать самое большое число, какое только способно создать человеческая фантазия, так сказать, число-рекордсмен среди астрономических чисел?» спрашивают читателя В. Анюхин и И. Комаров (Немерзловская обшч.)

Отвечам на этот вопрос. Однако предостерегаем сделать два существенных замечания. Первое: натуральные числа (1, 2, 3, 4, 5...) бесконечно, так и нельзя назвать наибольшее, так как и любому из них можно прибавить единицу, и получится еще большее число.

Значит, можно говорить лишь о таких наибольших числах, которые практичнсь используются человеком.

Второе: любое астрономическое число по сравнению с подлинными числами гигантским, известная науке, является ничтожьем. Приведем несколько примеров. Завидно условимся, что будем записывать большие числа, используем «показатель степени» (тотчас будет обозначать количество нулей в данном числе). Начав записывать огромные числа, с которыми мы делаем столкновения, невольно кри:

Таким образом, радиус архимедовой Вселенной составляет  $15 \times 10^7$  (15 на 10 в двадцатитой) километров, а объем —  $135 \times 10^{16}$  (135 на 10 в тридцатитой восьмой) кубических километров.

Сколько же песчинок можно вместить в этот объем, учитывая еще, что Архимед, под песчинками подразумевал личинки пылинки, которых в объеме манового зернышка насчитывается тысяча!

В результате соответствующих расчетов получим число:  $10^6$ . Это — великое астрономическое число — современное. Это объем доступной нам тысячею сверхмощных телескопов части Вселенной:  $2 \times 10^6$  сантиметров. Громадное число, но поддающееся взглядуо восприятию!

Но что такое эти астрономические числа по сравнению, например, с трехзначным гигантом на широко известной азачншукне: «Ближе самое большое число можно написать тремя девятками»? Ответ: 99, что равняется приблизительно  $4 \times 10^{27}$  (четыре на десять в двадцать девятый) миллионов шестьдесят девять тысяч девятсот девяносто девять (только записывая это число обычным способом, потребовалась бы строка в сотни метров).

Теперь ответим на вопрос, какое же число среди известных чисел является самым большим по величине? Ответ: самое большое из всех когда-либо встречающихся в науке. Оно связано с современными вычислениями. Система одного из свойств чисел в формуле, выведенной выдающимся русским математиком П. Чебышевым.

Вот оно:  $X$  приближенно равно (следует учитывать погрешность, которую иначе можно написать так:  $10 \text{ на } 000 \text{ на } 000 \text{ на } 000 \text{ на } 000 \text{ на } 000$ ), или — десять в десетициллионной степени), то есть единица, на которой следует делить двенадцатую часть от  $X$ .

Н. НИКОЛАЕВ

# Февраль — месяц метелей

Фото В. Еллисовой.



СМЕНА  
В номере:

## Встреча в тайге

Стучится кто в дороге. Уже начало смеряться, когда машина неожиданно остановилась: выток мотор. Шофер занялся починкой.

Недалеко от машины высился огромный кедр, усаженный шишками. Орехи сособлавили. Первым же камнем ушедший сбил несколько шишек. И только было приклониться бросить еще, глядит, из дупла в дереве высунулась мохнатая лапа, встод на нем вояра, а потом появилась голова медведя.

Послежив оказался опытным таежником. Немного отодвиг от дерева, он стал своим изловившим, громким голосом предупредив шифера. Медведь, спустившись с ветки, сделал несколько шагов в сторону человека, затем остановился и, встав на задние лапы, заревел. Человек на этот реп ответил криком, что было мочи.

Странная переписка продолжалась минут десять. А тем временем шофер занял машину, включил фары и дал сигнал. Медведь растерялся и шарканул в сторону.

Приехали в село Чурын, на Амуре. Найдя на машине попутчика, тот подал руку шоферу и, улыбаясь, сказал: «Безопасно для ружья по тайге не очень хорошо. Ну, а если уж с медведем постреляешь на глаз, выведи его пить, иначе лап зверя не миновать. Орн во хоро, вода в ручье. Это на него действует. Он в таком случае обычно не нападет».

Дальний Восток.  
Г. Виробиджан.

А. УХИН

# КРОВОРД

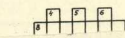
Составил В. Березяк (г. Чуднов, Житомирской области)

По вертикали:

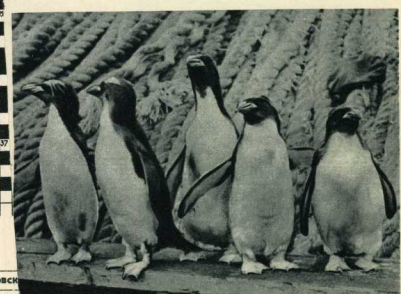
1. Шифровое обозначение предметов в последовательном порядке. 2. Химический элемент. 3. Герой одного из произведений Н. В. Гоголя. 4. Вид винтовки. 5. Нагорье в Средней Азии. 6. Летевшее учреждение. 9. Установленное цена товара. 10. Выдающийся русский аэротехник. 13. Роман Н. Г. Чернышевского. 17. Великий русский писатель. 18. Орда из фаз Луны. 20. Грузная сухогруз по назначению грузовых судов. 21. Торговое поименование. 26. Публичное выступление. 27. Полюса. 28. Специальность ученого. 30. Объединение государств. 31. Великий русский изобретатель. 34. Ган. 35. Советский писатель. 38. Великий болгарский писатель. 40. Серый колючий.

По горизонтали:

7. Генеральный русский изобретатель-самозащитчик. 8. Город в Хабаровском крае. 11. Совмещение, соединение. 12. Наука, мастерство кораблестроения. 14. Заслуженная часть спортивных соревнований. 15. Один из руководителей народного ополчения в XVII веке. 16. Аргумент. 18. Русский писатель-революционер. 22. Выдающийся деятель. 23. Прибрежное судоходство. 24. Проводник судна. 25. Значительный приток для подземных вод. 29. Цветок. 32. Большой рупор. 33. Оратор и философ древнего Рима. 36. Поток воздуха. 37. Материк. 38. Опера А. Рубинштейна. 41. Аппарат для разведения животных и смуглых тел. 42. Творчество. 43. Советский поэт. 44. Фотографическое изображение.



Эти пингвины с острова Гау доставлены в уголок Дурова.



Оформление номера  
М. Дубинин

На первой странице обложки: Воиаты Нина Крылова с пионерами 334-й московской школы. Фото Г. Борисова.

На четвертой странице обложки: Зимний день. Фото А. Кузьмина.

Юрий Яковлев — Выезжает кострами, зиме ночи!  
Н. Фомичев — У самого Белого моря.  
Р. Розова — Копилка, Рассказ.  
А. Протопопова — О честности и правдивости.  
Жакомо Тумунов — Люблю тебя, мой край родной. Стихи.  
Гр. Куренев — Дайте трудное дело!  
В. Гендрюков — В северном крае. Путевые заметки. Очерки.  
В. Диданов — Автор гениальной комедии.  
Кто же виноват? — Читатели обсуждают расказ П. Шебунина «Чья вина?».  
А. Брочников — В школах Англии.  
В. Казаков — На необитаемых островах.  
Юрий Мляин — Павлины иры. Басыи.

Радиоколлегия: В. Ажаев, Г. Гуля, Е. Долматовский

Адрес редакции: Москва, 47. ул. «Правды», 24. Тел. Д-3-34-24.

Тираж 120 000 экз.

Над. № 147.  
Типография газеты «Правда» имени И.

Рисунки Е. Водерникова.

# По следам БАСЕН КРЫЛОВА

ГУСЬ  
ИЗ КОНКЕРЛЬ-ХОЛЛА

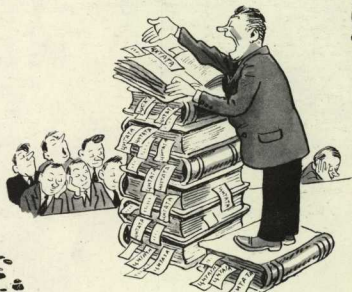
«Вы сколько пользы принесли?»  
«Да наши предки Рим спасли!»  
(«Гуси»)



За что же, не боюсь греха,  
Кукушка хвалит Петуха?  
За то, что хвалит он Кукушку!  
(«Кукушка и Петух»)



Как счастье многие находят  
Лишь тем, что хорошо на задних  
лапках ходит!  
(«Две собаки»)



## ДОКЛАДЧИК-ЦИТАТЧИК

Так потчевал сосед-Дельца  
соседа-Фоня  
И не давал ему ни отяжку,  
ни срану...  
(«Дельцова уха»)



## СТРЕКОЗА НА ЭКЗАМЕНЕ

«До того ль, голубчик, было?  
В моих муравях у нас  
Песни, ревность всякий час,  
Так, что голову вскружило».  
(«Стрекоза и Муравей»)



